

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ТОТ, КТО ЗНАЕТ
ОПАСНЫЕ ВОПРОСЫ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Тот, кто знает. Опасные вопросы / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2021. — 448 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-90052-7

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Мащенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи, от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной, состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-90052-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

«Господи, за что ты меня наказал? За что, за какие грехи заставил пережить такое? Разве я была плохой? Я всю жизнь трудилась, работала, училась, делала все честно и в полную силу. Я ни минуты не сидела без дела, я заботилась не только о своих родителях, муже и сыновьях, я заботилась и о Бэллочке, и об Иринке, даже не представляю, как у меня хватило сил и времени на всех, но ведь хватило же! Господи, ты дал мне силы на все это, значит, ты тоже считал, что я поступаю правильно. Так в чем же я провинилась? Неужели это расплата за ТО? Но ведь тогда никто не умер, тогда речь не шла о смерти человека. Неужели ты действительно считаешь, что я совершила страшный грех, за который должна расплатиться?»

Часть 1

НАТАЛЬЯ, 1965—1972 ГГ.

Ворвавшись в квартиру, десятилетняя Наташа ментально сорвала с себя пальтишко, скинула ботинки и пулей пролетела по длинному коридору, минув дверь в комнату, где жила ее семья, и держа путь напрямиком на кухню. Девочка была голодна, и в этот момент ее больше всего на свете интересовала записка с указаниями

по части обеда, которую, как водится, должна была оставить мама на кухонном столе. Записка действительно лежала на видном месте, и Наташа впилась в нее глазами. «Суп в синей кастрюльке за дверью, макароны в миске на окне». Дверь, за которой пряталась кастрюля с супом, вела из кухни на черную лестницу. Раньше, до революции еще, по черной лестнице приходила кухарка и готовила еду для всех обитателей этой большой барской квартиры, теперь же черным ходом никто не пользовался, и прохладное даже летом место с успехом заменяло жильцам холодильник. Настоящий холодильник в их квартире был только у Брагиных, и стоял он не в общей кухне, а у них в комнате. Сам Брагин работал кем-то очень важным, получал большую зарплату, и у них всегда появлялись разные полезные и удивительные вещи — проигрыватель, телевизор, магнитофон, вот и холодильник тоже. Правда, они не были жадными и всегда разрешали положить в свою сверкающую белизной сокровищницу что-нибудь особо ценное на хранение, рыбу там или вырезку. А когда по телевизору «Огонек» шел, так даже сами приглашали соседей. Иногда.

С усилием откинув туго входивший в петлю тяжелый крюк, Наташа открыла дверь, достала кастрюлю с супом, поставила на огонь. Отперев дверь комнаты, бросила на стул портфельчик и быстро переоделась в домашнее платье, аккуратно повесив форму на плечики. «Космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов... — торжественно вещал голос диктора из постоянно включенного репродуктора. — Двадцать минут провел советский космонавт в открытом космосе...» Вот это да! Наши опять полетели в космос! Надо всем сказать, пусть тоже порадуются! Хотя кому сказать? В этот час в квартире и нет никого, все на работе. Но радость и гордость переполняли маленькое Наташино сердечко, и ей просто необходимо было поделиться такой ошеломляющей новостью. Прихватив с собой стоявшую на подоконнике алюминиевую миску с отваренными

еще утром макаронами и масленку, она направилась к телефону, висящему на стене в коридоре.

— Добавочный пятнадцать тридцать шесть, пожалуйста, — вежливо произнесла она, услышав голос телефонистки на коммутаторе.

Через полминуты в трубке раздался голос матери.

— Мам, ты не представляешь, что случилось! — захлебываясь восторгом, заверещала Наташа. — Наши опять в космос полетели!

— Да, я слышала, — спокойно ответила мама.

— Нет, ты, наверное, не все слышала, — не унималась девочка. — Леонов двадцать минут пробыл в открытом космосе! Ты представляешь? Правда же, здорово? Я как по радио услышала...

— Доченька, у нас тут тоже есть радио, и мы все знаем. — Голос матери звучал устало и немного недовольно. — Ты давно пришла из школы?

— Только что.

— Почему так поздно? У тебя четыре урока сегодня, в котором часу ты должна была вернуться?

— В половине первого, — уныло произнесла Наташа.

— А сейчас сколько? — продолжала строгий вопрос мама.

— Не знаю, я не посмотрела.

— Сейчас двадцать минут четвертого. Где ты была?

Пришлось признаваться:

— Мы с девочками в кино ходили. На «Ко мне, Мухтар!».

— Но ты уже его смотрела! Вы с папой ходили на этот фильм две недели назад.

— Ну и что! Он мне так нравится...

— А деньги где взяла? Опять в школе не поела? Наташа, я даю тебе каждый день деньги, чтобы ты на большой перемене покушала в буфете, а ты что вытворяешь?

— Ну мам...

— Вечером отец с тобой разберется, — сухо пообещала мама и бросила трубку.

Ну вот, так всегда. Хочешь как лучше, хочешь лю-

дям радость доставить, хорошей новостью поделиться, а они ругаются. И почему эти взрослые не понимают, что можно один и тот же фильм бесконечное количество раз посмотреть? Девочка медленно побрела на кухню, только что сжигавшая ее радость мгновенно потухла.

Суп уже кипел вовсю и даже норовил выплеснуться на плиту. Скучно выхлебав из глубокой тарелки рассольник (а суп оказался именно рассольником), Наташа машинально сжевала разогретые на сливочном масле и посыпанные сверху сахарным песком макароны, забыв, что еще десять минут назад была зверски голодна, и не получая от еды никакого удовольствия. Впрочем, плохое настроение не задерживалось у нее подолгу, и, уже заканчивая мыть посуду, девочка предвкушала радость от того, как будет сообщать потрясающую новость всем жильцам квартиры по мере их появления. Красавице Ниночке, которая слушает по радио только музыку, а на новости внимания не обращает и узнает обо всем от соседей. Ее матери, Полине Михайловне. Полина Михайловна работает уборщицей, ей не до радио. Дяде Славе Брагину. Он, конечно, ответственный работник, у него в кабинете радио наверняка есть, но у него же такая важная и сложная работа, когда ему новости-то слушать! Бэлле Львовне... Хотя нет, Бэлла Львовна всегда все узнает первая, один бог ведает, как у нее это получается. Зато ее сын Марик — вот уж кто с интересом выслушает удивительную новость. Марик студент, а во время занятий в институте студенты радио не слушают. Может быть, и Наташина старшая сестра Люся порадуетса новому успеху советской космонавтики, правда, приходит она поздно, частенько уже тогда, когда Наташа спит. Люсе двадцать семь лет, она на семнадцать лет старше Наташи, и у нее есть жених, с которым она проводит все свободное время, потому и возвращается домой так поздно. Зато Марик приходит рано, сразу же после занятий, нигде не задерживается, разве что в библиотеке, но это бывает редко. И не потому, что он плохой сту-

дент и не старается, нет, вовсе не поэтому. Просто его мама Бэлла Львовна сама работает в библиотеке и приносит домой любые книжки, какие только сыну понадобятся. И вообще, Марик — самый лучший!

К этому приятному выводу Наташа приходила регулярно, о чем бы ни размышляла. Ну разве она виновата, что мысли сами текут, выбирая направление, неизбежно приводящее к одному и тому же умозаключению!

Покончив с обедом, она села за уроки, решив победу родной страны в космосе отметить ударным трудом за учебниками. Сегодня уже восемнадцатое марта, через пять дней начнутся весенние каникулы, что само по себе, конечно, просто отлично, но в последний перед каникулами день в дневниках будут выставлять оценки за четверть, и это событие может принести некоторые огорчения. Да что там может, наверняка принесет. По физкультуре, труду и рисованию будут пятерки, в этом можно не сомневаться, руки у Наташи золотые, это все говорят, даже Марик (ох, опять Марик), и бегают она быстрее всех девчонок в классе, и прыгает выше, и по канату взбирается ловко, как обезьянка, зато с французским языком у нее определенно не все благополучно, а уж с русским — вообще беда. И не потому, что она неграмотная, а потому что пишет грязно, с помарками, исправлениями. Она и по арифметике могла бы хорошие отметки получать, если бы не вечная грязь в тетрадках и бесконечные зачеркивания. Но что же она может сделать, если перьевые ручки так плохо ее слушаются и из них все время капают чернила! Вот если бы им разрешили писать такими ручками, какими пишет дядя Слава Брагин, шариковыми, то и грязи бы никакой не было. Правда, исправления все равно были бы, потому что Наташа Казанцева «девочка умная, развитая, но очень рассеянная», так говорит их учительница на родительских собраниях. Рассеянная, пишет упражнения по русскому или решает примеры по арифметике, а сама о чем-то постороннем думает, поэтому делает глупые ошибки, которые сама же заме-

чает и исправляет. А бывает, что и не замечает. Ну и ладно, зато по пению тоже будет пятерка, слух у Наташи отменный и голосок звонкий. Итого выходит, что в четверти набегают четыре пятерки, четверки по французскому и по чтению и тройки по письму и арифметике. Да уж, с таким табелем нечего надеяться на необыкновенные приключения во время каникул. Ни зоопарка, ни театра, ни кино по два раза в день. Но если в оставшиеся пять дней собрать волю в кулак и постараться как следует, то, может быть, еще можно выкарабкаться. Вот отец всегда ругает ее за то, что она уроки делает без черновиков, сразу набело пишет в ту тетрадку, которую потом на проверку учительнице придется сдавать.

— Ты сделай задание на черновике, покажи кому-нибудь из взрослых, они проверят, исправят ошибки, а тебе потом останется только аккуратненько набело переписать, — поучал он.

Но тратить время на черновики ей не хотелось. Скорей бы отделаться от уроков — и бегом на улицу, в кино, с подружками гулять. Вот и тройки в таблице. А что, если все-таки попробовать сделать так, как отец советует? Наташа достала чистую тетрадку в клеточку за 2 копейки и на обложке крупно вывела: «Черновик».

Она решила уже все примеры в новой тетрадке, разведя на чистеньких страницах невероятную грязь, когда хлопнула входная дверь и послышались шаги Марика — тихие, словно неуверенные, и одновременно почему-то тяжелые. Такая у Марика походка. Наташа вскочила, как пружиной подброшенная, и вылетела ему навстречу.

— Марик, ты слышал? Наши в космос полетели!

— Да что ты говоришь?! Не может быть! Ты сама слышала?

— Сама, по радио передавали, два человека полетели, Беляев и Леонов, Леонов даже в открытый космос вышел и двадцать минут там пробыл! — захлебывалась Наташа.

— Вот это новость так новость! Ну-ка расскажи мне

все подробно. Давай зайдем к нам, и ты все мне расскажешь.

«Господи, какой же он красивый», — думала Наташа, сидя за круглым столом напротив Марики и добросовестно пересказывая все, что слышала по радио. Густые черные брови, крупный нос, выпуклые блестящие темные глаза, яркие губы, волнистые волосы — все это вместе составляло для десятилетней девочки эталон мужской красоты, превзойти который не дано было никому. Ну ясно же, Марик — самый лучший. Когда ей было пять лет, она влюбилась в итальянского певца Робертино Лоретти, его фотокарточка в рамочке и под стеклом висела на стене над Наташиной кроваткой, все кругом слушали мелодичные песенки, исполняемые звучным дискантом, и красивый талантливый мальчик из далекой солнечной страны на протяжении трех лет был властелином ее детских грез. А потом она пошла в первый класс, и так получилось, что папа был в командировке, а у мамы с утра поднялась температура, целых тридцать девять и шесть, и отвести ее в школу оказалось некому, кроме Марики. И в первый же день новая подруга — соседка по парте Инка Левина — с интересом спросила:

— Это кто был, твой брат?

— Нет, это Марик, мы в одной квартире живем, — спокойно пояснила Наташа. — А что?

— Ничего. Красивый какой! — мечтательно вздохнула Инка.

Наташа сперва даже удивилась, а потом повнимательнее пригляделась к Марику и поняла, что да, действительно красивый. Портрет Робертино Лоретти был безжалостно изгнан с почетного места на стене, а все мысли Наташи Казанцевой, вокруг какого бы предмета ни вились, в конце концов сводились к одному: Марик — самый лучший. Марик с тех пор дважды проваливался на экзаменах в институт, сама Наташа училась уже в третьем классе, но кумир все еще не померк.

Пересказав во всех деталях, как она пришла из школы, как зашла в комнату и услышала сообщение по

радио, Наташа спохватилась, что Марик же, наверное, голодный, с утра ничего не ел, а она его тут баснями кормит.

— Давай я тебя покормлю, — предложила она. — Ты только скажи, что разогреть, и иди мой руки, а я все приготавливаю.

Марик и не думал удивляться, он давно привык к тому, что маленькая соседка заботится о нем, как взрослая. Девчушка ловкая и сноровистая, всем помогает, не только своей матери, всем готова услужить и ни разу — ни разу! — ни одной чашки или тарелки не разбила. Не зря же все до единого жильцы четырехкомнатной коммунальной квартиры в большом доме по Решикову переулку, что рядом со станцией метро «Смоленская», сходились во мнении: у Наташи Казанцевой руки золотые.

* * *

За пять дней внести существенные коррективы в оценки за четверть, конечно, не удалось, и дома разгорелся очередной скандал. Сначала попало самой Наташе, потом родители принялись ссориться между собой.

— Я с самого начала была против, чтобы она училась в этой поленовской школе! — кричала мама. — Ко-му он нужен, этот французский язык? Его на хлеб не намажешь и в карман не положишь, а ребенок только зря силы тратит на него и по основным предметам не успевает. Пусть этот год доучится, и переведем ее в гоголевскую.

— Гоголевская дальше от дома, а поленовская — вот она, за углом. Я не допущу, чтобы ребенок один ходил так далеко, — возражал отец.

— Да твой ребенок и так шляется целый день по Арбату, вместо того чтобы уроки учить!

— Значит, дело не во французском языке, а в том, что она не занимается!

— А ты меня не поддавливай!

— А ты...

Такой скандал разгорался на Наташиной памяти уже в третий или в четвертый раз, иными словами — по поводу каждого табеля, в котором мелькали тройки. Школа имени Поленова, в которой она училась, специализировалась на углубленном изучении французского языка, и выпускники даже получали диплом гида-переводчика по музею-усадьбе «Поленово». Находилась школа в Спасопесковском переулке, свернешь с Решикова переулка направо — и вот оно, школьное здание. Школа же имени Гоголя, в которую мать все мечтала перевести Наташу, была самой обыкновенной, без всяких там углубленных преподаваний, и находилась в глубине Староконюшенного переулка, чтобы до нее дойти, нужно было пять раз переходить дорогу. Учиться в другой школе Наташе не хотелось, ведь это означало бы не только раньше вставать и раньше выходить из дому, но и расстаться с подружками, поэтому каждый раз, когда родители начинали выяснять, кто из них прав и где их дочери лучше учиться, клятвенно давала себе слово не быть такой рассеянной, делать уроки тщательно и с черновиками и больше троек в таблице не допускать. Но проходили каникулы, и благой порыв успевал остыть еще до первого звонка на первый урок.

Наташе стало скучно, она незаметно выскользнула из комнаты и постучалась к соседке Бэлле Львовне.

— Бэлла Львовна, можно к вам на телевизор?

Бэлла Львовна и ее сын Марик были вторыми в их квартире счастливыми обладателями телевизора, правда, в их комнате стоял не роскошный комбайн «Беларусь-5», соединяющий в себе телевизор, проигрыватель и радиоприемник, как у Брагиных, а «КВН» с крохотным экранчиком и огромной линзой, но зато для того, чтобы посмотреть кинофильм или концерт у Брагиных, нужно было дожидаться приглашения хозяев, а к Бэлле Львовне Наташа заходила запросто.

По телевизору показывали концерт, пел Магомаев, который, по мнению Наташи, был, конечно, не такой красивый, как Марик, но тоже очень ничего. Темново-

лосый, темноглазый. Она милостиво отдавала ему второе место в СССР по красоте. После него выступала Эдита Пьеха, потом Иосиф Кобзон. Наташе казалось, что Бэлла Львовна слышит доносящиеся из-за стены раздраженные голоса родителей, девочка испытывала неловкость и попросила разрешения прибавить звук.

— Можно, я погромче сделаю? — робко попросила она. — Песня очень хорошая.

И опять во дворе
Все пластинка поет
И проститься с тобой
Нам никак не дает.
Ла-ла-ла... —

громыхнуло в комнате. Бэлла Львовна поморщилась, подошла к тумбочке, на которой стоял телевизор, повернула ручку громкости, убавив звук до разумных пределов.

— Тебе что, так нравится эта песня? — скептически осведомилась она. — Или тебе не нравится, что твои родители ссорятся?

— А чего, песня хорошая, — пробормотала Наташа, правда, не очень уверенно. Она почувствовала, что щеки запылали.

— Ну-ну. А что у тебя в табеле за четверть?

Наташу всегда поражала эта способность соседки все помнить и ничего не упускать из виду. Даже мама с папой не всегда помнили, когда у нее начинаются каникулы и когда положено предьявлять табель с оценками, а Бэлла Львовна всегда знала, когда каникулы, когда у кого из соседей день рождения, годовщина свадьбы или какая другая памятная дата, и даже кто в данный конкретный день в какую смену работает. Ниночка, например, работала телефонисткой в воинской части, работа трехсменная, и часто бывало, что она договаривалась по телефону куда-то пойти, а потом, не кладя трубку, громко кричала:

— Бэлла Львовна, на следующей неделе в среду я в какую смену работаю?

Собственно, Ниночка и сама могла бы подсчитать, но для этого ей пришлось бы сильно напрягаться, при этом с риском допустить ошибку, или вести специальный календарик, а Бэлла Львовна делала это быстро и в уме и уже через пару секунд отвечала:

— На следующей неделе в среду тебе в ночь выходить.

Вот и сейчас неловкие ухищрения Наташи скрыть ссору, происходящую у нее дома, ни к чему не привели, Бэлла Львовна все равно помнит, что сегодня — конец четверти, и понимает, что крик поднялся именно из-за оценок в Наташином табеле.

— Так что тебе выставили за четверть? — терпеливо повторила соседка.

— Там все хорошо, только две тройки.

— Только две тройки! — Бэлла Львовна трагически всплеснула руками. — Нет, вы послушайте это невинное дитя! Две тройки! Откуда они взялись, золотая моя? У тебя не должно быть троек вообще, ты понимаешь? У тебя даже четверок не должно быть. Ты должна быть круглой отличницей. Как мой Марик. Вот с кого ты должна брать пример. Тебе нужно учиться на одни пятерки.

— Зачем? — недоумевающе спросила Наташа.

Ну ладно, учиться без троек — это еще можно по-нять. Получать в школе только «хорошо» и «отлично» — это почетно и похвально, за это даже грамоты дают. Но одни пятерки? Нет, это уж слишком. Да и для чего так напрягаться? Вон Марик учился-учился на одни свои хваленые пятерки, а в институт два раза проваливался. Правда, в третий раз все-таки поступил, но уже в другой институт, не в тот, в котором хотел учиться.

— Что — зачем?

— Зачем получать одни пятерки? Вот Марик же не поступил со своими пятерками в институт, даже два раза, — простодушно заявила Наташа.

Бэлла Львовна вдруг сделалась серьезной и зачем-то выключила телевизор.

— Послушай меня, золотая моя, — сказала она не-

громко, сядясь рядом с Наташей на диван, — я скажу тебе одну очень важную вещь, может быть, я скажу ее тебе слишком рано, но лучше раньше, чем опоздать. Ты — девочка, и для тебя существуют другие правила. То общество, в котором мы живем, как нельзя лучше подходит для мальчиков, мальчики могут добиться всего, чего захотят, не прилагая к этому особых усилий. Мальчикам открыта дорога всюду, они могут учиться в школе на одни тройки и потом стать крупными руководителями. А девочки так не могут.

— Почему? — расширив глаза от удивления, спросила Наташа шепотом. Она боялась повысить голос, ей казалось, что соседка раскрывает перед ней страшную тайну.

— Потому что мальчики нужны на любом месте, на любой работе, а девочки нужны только для того, чтобы рожать детей и готовить обеды для мальчиков. И еще девочки нужны на таких работах, которыми не хотят заниматься мальчики, то есть на самых неинтересных, грязных и тяжелых, за которые мало платят. И если девочка не хочет заниматься скучной и грязной работой, если она хочет чего-то добиться в жизни, ей приходится доказывать, что она лучше мальчиков, которые хотят занять это место. А это означает, что она должна очень хорошо учиться, быть дисциплинированной, активной и заниматься общественной работой. Вот ты сейчас октябренок, а тебя хоть раз назначали старшей в твоей октябратской звездочке?

— Ни разу.

— Вот видишь. Это потому, что ты не активная, ты не пользуешься уважением товарищей. В пятом классе тебя будут принимать в пионеры, и ты должна будешь постараться, чтобы тебя выбрали хотя бы звеньевой, а потом и председателем совета отряда. К восьмому классу ты должна стать председателем совета дружины, тебя примут в комсомол, ты сразу станешь комсоргом класса, тебя заметят в райкоме комсомола, ты проявишь там себя с самой лучшей стороны, и это очень поможет тебе поступить в тот институт, в какой ты са-

ма захочешь, а не в тот, в который сможешь поступить. И только в том случае, если ты получишь образование, о котором мечтаешь, ты сможешь заниматься делом, которое тебе интересно. А занимаясь делом, которое тебе интересно, которое ты будешь любить, ты сможешь достичь настоящих высот в карьере. Только так, и никак иначе. Ни один человек не может сделать блестящую карьеру, если занимается тем, что ему не по душе. Так что все твое будущее закладывается сегодня, и уже сегодня ты обязана начинать трудиться над своей жизнью, не откладывая на потом. Я не очень сложно тебе объясняю? Ты меня поняла?

— Я поняла, Бэлла Львовна. Только я не поняла, а как же Марик? Он же мальчик. И учился на пятерки. Почему же он провалился на экзаменах?

— Золотая моя, кто тебе сказал, что Марик провалился? — грустно усмехнулась соседка.

— Но он же не поступил!

— Это не одно и то же. Он все экзамены сдал на «отлично». Но его не приняли. Без всяких объяснений.

— Но почему?! Так же не бывает!

— Бывает, золотая моя. Марик — еврей. И учиться он хотел в физико-техническом институте. А туда не хотят принимать евреев. Поэтому Марик был вынужден поступать в педагогический институт, куда его с удовольствием приняли. Видишь ли, золотая моя, существуют отдельные правила для мальчиков, для девочек и для евреев. Тебе не обязательно понимать это, ты просто поверь мне, что это так, и запомни как следует. Запомнишь?

— Запомню, — послушно кивнула Наташа.

— И выводы сделаешь?

— Сделаю, — твердо пообещала девочка.

— Ну и славно. Теперь включай телевизор, давай концерт досмотрим.

Конечно, из слов Бэллы Львовны Наташа поняла далеко не все. Например, почему Марика не приняли в физтех, а в педагогический приняли. О том, что существуют евреи, а также люди, которые их не любят, девоч-

ка знала очень хорошо, хотя говорить вслух об этом было не принято. Но все равно, почему в одном институте их любят меньше, а в другом — больше, оставалось непонятным. И про то, что мальчикам все дороги открыты, а девочкам — не все, тоже непонятно, хотя если вдуматься, то ведь и в самом деле, все важные начальники — мужчины. Вот дядя Слава Брагин, к примеру, крупный начальник какого-то треста, а его жена тетя Рита — обыкновенный парикмахер. Или даже ее собственный папа, он начальник какого-то отдела, а мама — лаборантка, печатает на машинке и получает самую маленькую зарплату, всего 60 рублей. Выходит, Бэлла Львовна права, для мальчиков и девочек правила разные, но вот почему это так — понять невозможно.

Вообще Бэлла Львовна — удивительный человек. Она единственная разговаривает с Наташей как со взрослой, а не как с ребенком, нимало не заботясь о том, чтобы девочка ее понимала. А переспрашивать Наташа стесняется. Ведь что получится? Бэлла Львовна считает ее умной и взрослой, раз так с ней разговаривает, а если Наташа начнет переспрашивать и признаваться, что не понимает, Бэлла Львовна сразу увидит, что она еще глупый ребенок. Лучше кивать и делать умное лицо, а потом потихоньку переспросить у кого-нибудь, да вот хоть у Марика. Памятью Наташу природа не обидела, все, что ей говорят, запоминает дословно, поэтому переспросить всегда легко.

Концерт закончился, на экране телевизора появились знакомые плюшевые зверьки, рассказывающие детям на ночь сказку. Эту передачу Наташа уже давно не смотрит, это для самых маленьких, а ей десять лет.

— Бэлла Львовна, а Марик скоро придет? — с надеждой спросила она.

— Он придет поздно, он на дне рождения у товарища.

Бэлла Львовна разлила чай в красивые тонкие чашечки, достала из буфета и поставила на стол зеленую стеклянную вазочку с любимым Наташиным печеньем «курабье». Это печенье продавалось неподалеку на Ар-

бате в магазине «Восточные сладости». На неконтролируемые карманные расходы родители денег почти не давали, выдавали в основном на целевые траты — на школьные завтраки, на кино, на мороженое, на тетрадки и карандаши, на проезд в транспорте. Наташа изо всех сил сэкономила, старалась лишнего не расходовать, где могла — ходила пешком, на большой перемене выпивала только стакан томатного сока за 10 копеек, но зато сколько радости получала она, пробивая в кассе чек и протягивая его продавщице со словами: «Будьте добры, сто граммов «курабье». Сто граммов «курабье»! Да от одних только слов можно было с ума сойти!

— Садись к столу, золотая моя, — ласково пригласила Бэлла Львовна, — давай чай пить. Чем ты собираешься заниматься во время каникул?

— Отдыхать. — Наташа беззаботно пожала плечами.

— От чего отдыхать? — Соседка, казалось, искренне удивилась.

— Ну как от чего? От учебы. Это же каникулы, их специально придумали, чтобы мы отдыхали.

— А ты что, так сильно устала от школы?

Наташа задумалась. Сильно ли она устала? Ну, не так чтобы очень... Просто надоело. Школа — это скучно, это рано вставать, а потом четыре или даже пять уроков сидеть и дрожать от страха, что тебя вызовут. От скуки и страха тоже можно устать, наверное.

— Вот что я тебе скажу, золотая моя, — продолжала Бэлла Львовна. — Ты допускаешь большую ошибку, теряя время на каникулах. Учиться надо всегда, каждый день, постоянно, только тогда от учебы будет толк.

— Так каникулы же! — упрямо возразила девочка. — Вот первого апреля снова пойду в школу и начну учиться. А пока буду целую неделю отдыхать.

— Это неправильно, — голос Бэллы Львовны стал строже, — расслабляться нельзя.

— Но нам же ничего не задали! Как я буду делать уроки, если их не задавали?

— А ты сама себе задай урок.

— Как это?

— Займись чистописанием, решай примеры по арифметике, учишь писать без помарок. Да просто читай, наконец! Чтение — это тоже гимнастика для ума и для памяти. Вон посмотри, сколько интересных книжек написано для вас, для детей! Целая «Библиотека приключений», тебе папа специально покупает, а ты к ним даже не притрагиваешься.

Это правда, отец действительно то и дело приносит домой красивые новенькие книжки, синие, зеленые, красные, желтые, но тяги к чтению у Наташи нет, она гораздо больше любит ходить в кино. Была бы ее воля, она бы по пять — нет, по десять раз в день ходила в кино, пусть даже на один и тот же фильм.

В дверь заглянула мама.

— Бэллочка, моя у вас?

— Заходите, — приветливо пригласила Бэлла Львовна, — посидите с нами, мы тут с Наташей чай пьем.

— А ужинать? — Мама сердито посмотрела на Наташу. — Вот ты опять чаю напьешься и ужинать не будешь. Марш домой немедленно.

Наташа быстро сунула в рот еще одно замечательное печенье, слезла со стула и нехотя пошла к двери. Ей ужасно не хотелось уходить из этой чудесной синей комнаты.

* * *

Цвет в ее чувствах и мыслях присутствовал уже тогда, когда маленькая Наташа еще и слова такого не знала. Ей было чуть больше двух лет, когда она, отчаянно рыдая из-за игрушки, которую отобрала мама, потому что пора было укладываться в кроватку и засыпать, вдруг закричала:

— Ты... ты... ты... вот! — и схватилась крохотными пальчиками за темно-коричневую ножку стула.

Злая несправедливость была в ее младенческом сознании окрашена в темно-коричневый цвет, но выразить это она тогда еще, конечно, не могла. Со временем Наташа узнала названия цветов и научилась очень неплохо рисовать акварельными красками, но многие

удивились бы, узнав, что для нее не только чувства, но даже обыкновенные цифры имеют свой цвет. Четыре — песочно-желтый, семь — серый, а девять, например, — зеленый. Свои цвета имели и комнаты соседей, причем цвета эти никак не связаны были с настоящими, реальными цветами мебели, обоев или покрывал на кроватях.

Комната Брагиных — светло-серая. На самом деле Брагины были единственными в их квартире обладателями не только холодильника, но и современного румынского мебельного гарнитура «Магнолия». Полированное дерево, сочетание коричневого и светло-желтого в полосочку, тонкие ножки стола, стульев, журнального столика и серванта, ярко-красная обивка низких круглых кресел — все это было модно и шикарно. А если еще прибавить к этому широкую тахту вместо привычных пружинных кроватей, торшер и телевизор с большим экраном, то обстановка получается совсем уж неземная. Космическая... У Марика на полке стоит несколько светло-серых томов «Библиотеки современной фантастики», Наташа как-то попросила почитать и ничего не поняла, все про космос. Одним словом, эта красно-желто-коричневая комната долгие годы оставалась в ее сознании светло-серой.

У Полины Михайловны с Ниночкой комната, наоборот, темно-зеленая с какими-то бурыми разводами, хотя она такая светленькая, в два больших окна, и вся украшена белыми кружевными салфеточками. И буфет у них белый, Полина Михайловна каждые два года его красит, и тумбочки белые, и кровати покрыты кремовыми покрывалами, и на белоснежных подушках — светлые накидки. И ни пылинки, ни соринки. Но Наташу эта показная белизна обмануть не может, девочка все равно знает, что Полина Михайловна часто пивается, а соседей своих ненавидит не просто часто, а вообще каждый день. Брагиных — за новую мебель и модную одежду, Бэллу Львовну — за то, что у нее сын такой умный, в институте учится, Казанцевых, то есть Наташину семью, за то, что в ней есть муж и отец. Разу-

меется, сама Наташа ни за что не догадалась бы, в чем причина такой непреходящей неприязни, просто однажды она случайно подслушала разговор мамы и Бэллы Львовны, когда они обсуждали Полину. Но постоянную злобу соседки она чувствовала очень хорошо, оттого и комната ее окрашена в буро-зеленые оттенки.

У самих Казанцевых комната обыкновенная, не очень старомодная, без всяких там салфеточек и фарфоровых слоников, на стене висят эстампы, их Люся повесила. При помощи шкафа-гардероба и буфета комната разделена на две зоны, в одной, большой, стоят квадратный раздвижной стол, книжный шкаф и диван, на котором спят мама с папой, меньшая же часть принадлежит Наташе и ее старшей сестре. Туда втиснуты два узких диванчика и крошечный письменный столик. Таких маленьких столиков в магазинах не бывает, папа специально заказывал у знакомого столяра, по мерке, чтобы влез. Днем за этим столиком Наташа делает уроки, а по вечерам Люся что-то пишет. Наташа догадывается, что сестра ведет дневник, но точно не знает. Комната ассоциируется отчего-то с красным цветом, хотя ни одного красного предмета в ней нет, если не считать книжных корешков.

А вот у Бэллы Львовны комната синяя. В ней стоит старинная мебель темного дерева, массивная, с завитушками, на окнах висят тяжелые бордовые портьеры с помпончиками (у всех остальных в квартире — тонкие легкие шторы светлых оттенков), на стенах — картины в золотистых рамках, рамки тоже все в завитушках, наверное, старинные. У Марика есть свой уголок, как и у Наташи с Люсей, но от остального пространства он отделен не мебелью, а красивой китайской раздвижной ширмой. Когда к Бэлле Львовне приходят гости, ширму убирают. Наташа всегда прибегает помогать соседке в такие дни, расставляет посуду, раскладывает серебряные приборы, носит из кухни приготовленные блюда, убирает грязные тарелки, поэтому она знает, что на диване Марика любит рассаживаться толстый добродушный дядя Моня, который курит папиросы од-

ну за одной и показывает смешные фокусы с шариками. Дядя Моня — известный адвокат, он такой толстый, что, кроме него, на диване уже никто больше не помещается, поэтому спальное место Марика в шутку называют «адвокатским креслом». А ширму сначала убирают, а потом достают, когда приходит тетя Тамара. Тетя Тамара живет где-то очень далеко, в Подмосковье, чтобы добраться до дома Бэллы Львовны в Решиковом переулке рядом с Арбатом, ей приходится сначала долго идти пешком по бездорожью до электрички, потом ехать почти полтора часа, потом еще на метро от вокзала до «Смоленской». Она появляется в квартире в стоптанных мужских сапогах и старом пальто, держа в руках огромную сумку. Вот тогда и расставляют снова китайскую ширму, тетя Тамара скрывается за ней на несколько минут, а потом все изумленно ахают, когда она выплывает на свет божий в новом платье и в туфлях на шпильках. Тетя Тамара самая старая из гостей Бэллы Львовны, ей в прошлом году исполнилось шестьдесят, но у нее по-прежнему тонкая талия, которую так красиво подчеркивает изящное платье, и она с легкостью передвигается на высоченных тонких каблуках. Друзья Бэллы Львовны Наташу любят, всегда шутят с ней, приносят маленькие смешные подарочки, гладят по голове и называют ангелом-хранителем. А недавно кто-то сказал: «Смотри, Марик, какая невеста для тебя растет. Не вздумай на стороне искать, лучше не найдешь». — «И со свекровью проблем не будет, она свою невестку уже любит», — добавил кто-то, и все засмеялись. Марик тоже смеялся, и Наташа не поняла, приятно ему было это слышать или нет. Сама она тогда жутко покраснела и скорей побежала на кухню за фаршированной рыбой. Для Наташи комната Бэллы Львовны — это сочетание одновременно праздника и покоя, ожидание чего-то радостного и в то же время чувство безопасности и защищенности. Никто ее здесь не обидит, никто не повысит на нее голос. Оттого и цвет у комнаты глубокий синий, а для праздничности — с серебряными звездочками-блестками.

Увещевания Бэллы Львовны Наташа запомнила, но близко к сердцу не приняла, во время весенних каникул радостно валяла дурака, проводя время в компании своей подружки Инки Левиной. Обе они обожали бесцельно бродить по Арбату, а порой добирались даже до улицы Горького, разглядывали витрины магазинов, нарядно одетых женщин и красивых взрослых мужчин и мечтали о том, как славно будут жить, когда вырастут и смогут носить все эти замечательные шубки из искусственного меха, которые только-только вошли в моду, и как волшебно будут выглядеть с выкрашенными в желто-белый цвет волосами, подстриженными «под Эдиту Пьеху».

В последнюю четверть учебного года Наташа и вообще успехов не добила, потому что все мысли были только о долгожданных летних каникулах. Три месяца свободы, при этом как минимум один — в пионерлагере. В прошлом году ей несказанно повезло, по просьбе родителей дядя Слава Брагин достал для нее путевку в пионерский лагерь Всесоюзного театрального общества. Лагерь находился в Крыму, и Наташа провела сорок незабываемых дней на берегу моря. А вдруг и в этом году ей улыбнется счастье? Может быть, она снова встретит своих прошлогодних подружек из пермского хореографического училища, с которыми так славно выступала на концерте художественной самодеятельности. У них был общий номер: Наташа пела романс Алябьева «Соловей», а девчонки — одна в белой пачке, другая в черной — танцевали. Им так хлопали тогда, даже на «бис» вызывали!

Но надеждам не суждено было осуществиться. Наташа так увлеклась мечтами, что рассеянность ее перешла все мыслимые пределы, тетрадные листы больше обычного пестрели кляксами и помарками, на уроках чтения она пропускала не только слоги, но даже целые слова, бесповоротно запуталась в окончаниях французских глаголов, и в результате в таблице за год оказалось уже четыре тройки.

Папа с мамой опять долго ссорились и кричали друг на друга, потом отец позвал Наташу, привычно спрятавшуюся у Бэллы Львовны и Марика, и строго сказал:

— Наталья, ты уже большая девочка, тебе десять лет. Пора принимать ответственные решения. У тебя есть выбор. Ты можешь с нового учебного года перейти в другую школу, где учиться будет легче. Там иностранный язык преподают только с пятого класса, весь четвертый класс у тебя не будет никакого французского, соответственно и уроков будет меньше. Или ты остаешься в своей школе, но все лето занимаешься. Никаких гулянок, никаких подружек, никаких походов в кино. Ты будешь три месяца сидеть вот в этой комнате и целыми днями писать упражнения, решать примеры и зубрить французские слова.

— А пионерский лагерь? — потрясенно спросила девочка, будучи не в силах поверить услышанному.

— Лагерь? Никакого лагеря! — отрезал отец. — Если хочешь в лагерь — пойдешь в гоголевскую школу.

Переходить в школу имени Гоголя Наташа не хотела. А в лагерь ехать хотела. Выбор был для нее мучительным, отец дал на раздумья два дня и ровно через два дня спросил: что же она решила.

— Я не хочу в новую школу, — уставившись глазами в пол, пробормотала Наташа.

— Значит, будешь заниматься все лето?

— Буду.

— Обещаешь?

— Обещаю. Честное октябратское.

— Ну что ж, это твой выбор. Потом не жалуйся.

В тот момент Наташа не очень хорошо уловила смысл этих слов. Но прошел месяц, и она поняла. Да еще как поняла!

В это время проходил Четвертый Московский международный кинофестиваль, все кругом только и говорили о нем, со всех сторон слышались названия фильмов, имена актеров и режиссеров, восторженные ахи и охи. Достать билет на внеконкурсный показ бы-

ло огромным счастьем, а уж попасть туда, где шли конкурсные фильмы, — об этом и мечтать было невозможно. Это — немыслимо, это невозможно представить, это только для небожителей, для тех, кто непосредственно причастен к таинственному и прекрасному миру, именуемому «кино».

Старшая сестра Люся уже несколько дней ходила сияющая, сменив на улыбку свое обычное угрюмое выражение лица. Ее жених Костик, неведомо какими путями и используя неведомо какие связи, раздобыл два билета на конкурсный просмотр. И уже завтра они вдвоем пойдут туда, куда простым смертным путь заказан, и увидят фильм, который никто, кроме завтрашних зрителей, больше никогда в их стране не увидит. Более того, они наверняка смогут увидеть живых звезд, которые обязательно ходят на фестивальные просмотры.

— Как ты думаешь, а Смоктуновский там будет? — спрашивала мама, которая еще с прошлого года находилась под впечатлением «Гамлета».

— Наверняка! — уверенно отвечала Люся.

— А Быстрицкая? — спросил папа, умевший ценить женскую красоту.

— Обязательно.

— А Герасимов с Макаровой? Вот бы посмотреть на них! — мечтала мама.

— А Вертинская с Корневым будут? — влезла Наташа. — А Козаков?

Самым ее любимым фильмом на этот день оставался «Человек-амфибия», и ей даже страшно было подумать, что можно вот так запросто оказаться в одном зале и дышать одним воздухом с этими замечательными актерами. Может быть, даже сидеть с ними рядом. И может быть, даже разговаривать... Ах, как повезло сестре Люсе! Как сказочно повезло! Завтра она всех их сможет увидеть.

Но назавтра случилось непредвиденное. В половине восьмого утра, когда семья Казанцевых сидела за завтраком, раздался телефонный звонок. Люсин жених Костик споткнулся на лестнице, упал и сломал ногу. Ра-

зумеется, ни на какой просмотр он пойти не сможет, он в больнице.

— Доченька, возьми с собой Наташу, — предложила мама, когда прошел первый шок от неожиданного известия. О том, чтобы из солидарности с пострадавшим молодым человеком отказаться от фестивального фильма, речь, конечно же, не шла.

Сердце у Наташи замерло. Неужели... Неужели судьба ей улыбнется и преподнесет такой подарок? Неужели она сможет своими глазами увидеть настоящих живых артистов, тех самых, от одного взгляда на экранное изображение которых у нее сладко замирало, а потом начинало восторженно колотиться сердце! Они такие чудесные, такие красивые, такие необыкновенные, такие... Даже слов не хватает, чтобы выразить. Они волшебные, как переливающиеся перламутровые краски, меняющие оттенок в зависимости от освещения. Они сверкающие, как серебряный дождь. И ей, Наташе Казанцевой, обыкновенной девчонке с Арбата, дано такое счастье — увидеть их. Как хорошо, что маме пришлось в голову отправить ее с Люсей, сама Люся наверняка не догадалась бы взять с собой младшую сестренку. Конечно, жаль Костика, он такой славный, лучше бы он не ломал ногу, но если бы он ее не сломал, то Наташа не попала бы на просмотр. Мысленно девочка уже видела себя в огромном зале, среди кинозвезд и разных прочих знаменитых людей. Вот только в чем пойти? Кажется, у нее нет ничего нарядного, такого, чтобы не стыдно было перед Корневым или Козаковым... Все это промелькнуло в голове в одно мгновение и вознесло десятилетнюю Наташу на такие сияющие вершины восторга, что она почти ослепла. И даже не сразу поняла, что происходит, когда раздался голос отца.

— Наташа наказана, — твердо произнес он. — До конца лета никакого кино, мы с ней так договорились.

Мама, однако, не была сторонницей столь суровых мер и попыталась вступить за младшую дочь:

— Но это же совсем другое дело, Саша. Это не просто поход в кино, это шанс, который, может быть, боль-

ше никогда ей не выпадет. Ты же видишь, девочка просто бредит кинематографом. Это окажется для нее событием, которое она не забудет всю свою жизнь. Ну Саша!

Но отец был непреклонен.

— Она дала слово, что будет все лето заниматься и ни разу не пойдет в кино.

— Но она и так целыми днями сидит над тетрадками! Она не гуляет, воздухом не дышит, с подружками не играет, только в магазин бегаёт. Девочка вообще зачахнет в четырех стенах, — умоляла мама. — Саша, ты же видишь, ребенок старается изо всех сил, ну пусть она пойдет с Люсей, а? В конце концов, ты должен признать, что Наташа не может провести три месяца за учебниками, это непосильно даже для взрослого человека. У нее каникулы, и ты мог бы сделать поблажку хотя бы на один вечер. Ведь вечерами мы все приходим с работы, и она все равно уже не занимается.

— Я сказал — нет. И закончим на этом. Пусть Люся сходит на просмотр с какой-нибудь подружкой.

Наташа сорвалась с места, умчалась в ванную, накинула изнутри на дверь крючок и дала волю слезам. Улыбка судьбы померкла и мгновенно превратилась в безобразную гримасу.

Из ванной она вышла только после того, как вернувшаяся после ночной смены Ниночка принялась иступленно дергать ручку двери:

— Эй! Кто там заперся и сидит? Наташка, ты, что ли?

— Я, — пискнула Наташа, обессилев от слез.

— Давай открывай, у меня там белье замочено, мне стирать нужно.

Наташа откинула крючок и рванулась в коридор, надеясь проскочить в свою комнату, где уже никого не было, все ушли на работу, и никто не помешает ей всласть предаваться обрушившемуся на нее горю. Но проскочить мимо Ниночки оказалось не так-то просто. Девушка ловко перехватила ее и повернула лицом к себе.

— Это что за концерт на летней танцплощадке? Почему рожа опухшая? Почему слезы?

Обхватив Ниночку за талию и уткнувшись мокрым лицом в ее пышную юбку-«колокол», Наташа снова разрыдалась. Понемногу соседке удалось-таки добиться от нее более или менее внятных объяснений.

— Да ты что? — расширив глаза, переспрашивала Нина. — Неужели тебя не пустили?

Наташа отрицательно помотала головой, борясь с новым приступом рыданий.

— Из-за каких-то паршивых троек?

— Угу.

— А Люська что? Даже словечка за тебя не замолвила?

— Не-а.

— Так и сидела молча?

— Да она всегда молчит, она у нас такая, — Наташа попыталась заступиться за любимую сестру.

— Знаешь, что я тебе скажу, Наташа? Твои родители — суки бессердечные. А Люська твоя — сволочь, каких еще поискать. Если бы у меня жених в больницу попал, я бы днем и ночью возле него сидела, по фестивалям не шлялась бы. А ей, выходит, на Козакова посмотреть дороже, чем родной жених. И папаша твой хорош, из-за каких-то паршивых троек тебя такой радости лишил. И мамаша твоя тебе тоже, получается, не защитница. Бедная ты, бедная, никто тебя не любит. — Ниночка сочувственно вздохнула. — Да кончай ты плакать, слезами горю не поможешь.

— Я не могу, — выдавила Наташа, — оно само... плачется... я стараюсь, а оно плачется...

Нина решительно развернула ее и потащила к себе в комнату.

— Давай выпьем по пять граммов, сразу полегчает.

Горе Наташино было столь велико, что она даже не сообразила, о чем говорит соседка. Девочка молча сидела на стуле и тупо смотрела, как Ниночка достает из буфета бутылку с некрасивой этикеткой и разливает в две рюмки прозрачную, как вода, жидкость. «Навер-

ное, это водка», — подумала Наташа с полным и даже удивившим ее безразличием. Нина подняла свою рюмку.

— Давай. За любовь проклятую! — провозгласила она.

Наташа залпом выпила содержимое маленькой рюмочки, закашлялась, все так же молча встала и ушла к себе. Выложила на письменный стол тетрадки и учебники, достала ручку и приготовилась заниматься. Очнувшись она только часам к пяти, с удивлением обнаружив, что спит, положив голову на руки поверх тетради с упражнениями по русскому языку. Жутко болела голова, отчего-то тошнило, и очень хотелось пить. С трудом поднявшись, Наташа побрела на кухню, чтобы налить себе воды из-под крана.

На кухне Марик жарил яичницу с колбасой. Из стоявшего на столе желтого приемника «Спидола» раздавалась задорная летка-енка, и юноша притопывал ногой в ритме танцевальной мелодии.

— Что с тобой? — испуганно спросил он, взглянув на Наташу.

— Ничего, — вяло ответила девочка.

— Да ты бледная как полотно! Ты заболела?

— Да... кажется.

— Что у тебя болит? Горло? Температура есть?

Марик наклонился, чтобы губами пощупать ее лоб, и внезапно резко отшатнулся.

— Чем от тебя пахнет?

— Не знаю. — Наташа попыталась пожать плечами, но не удержала равновесия и едва не упала. Марик подхватил ее и усадил на табурет.

— Ты что, пила?

Девочка молчала. Марик начал трясти ее за плечи, громко повторяя вопрос:

— Что ты пила? Когда? Сколько ты выпила? Наташа, отвечай немедленно, что ты выпила и сколько?

— Водку... кажется... Не кричи на меня.

— Сколько ты выпила?

— Не знаю... немножко.

- Сколько немножко? Один глоток? Два? Три?
- Не помню. Кажется, два... или три... не помню.
- Где ты взяла водку? У отца?
- Нина дала.

Кухню от входной двери отделял длинный извилистый коридор, но Марик все равно услышал, как чей-то ключ царапается в замке. Он испуганно оглянулся, потом схватил Наташу в охапку и поволок в свою комнату.

— Не хватает еще, чтобы тебя кто-нибудь увидел в таком состоянии, — бормотал он, снимая с ее ног тапочки и укладывая поверх покрывала на свой диван за ширмой. — Лежи тихонько, я на разведку схожу.

— Я пить хочу, — жалобно промычала она ему вслед.

— Я принесу. Не вставай и не выходи в коридор.

Наташа покорно вытянулась на диване. Как только голова коснулась мягкой подушки, ей сразу стало легче, даже тошнота почти прошла. Марик вернулся через пару минут, в руках у него была бутылка из-под молока, наполненная водой.

— Это Рита, — с облегчением сообщил он. — А когда твои родители должны прийти?

— Мама в половине седьмого, папа в семь.

— А Люся?

— Люся придет поздно, она идет сегодня...

Договорить ей не удалось. Обида и отчаяние снова нахлынули на Наташу, сдавили горло, обожгли глаза слезами. Марик был терпелив, он успокаивал девочку, давал попить, принес ей таблетку от головной боли, протирал ее лицо смоченным в воде носовым платком, заставлял сморкаться, гладил по голове и слушал ее горестную историю. С самого начала, с того момента, как Люсин жених достал билеты на фестиваль, а потом сломал ногу. Наташа Казанцева не любила читать, но зато уж что она умела — так это рассказывать: подробно, последовательно, детально, не забегая вперед и ничего не упуская. Марик слушал молча, не перебивал ее, только качал головой, мол, я понял, продолжай. И только в конце переспросил:

— Как, ты говоришь, Ниночка назвала твоих родителей?

— Суки бессердечные, — добросовестно повторила Наташа.

— А ты сама-то понимаешь, что это такое?

— Примерно. — Наташа попыталась улыбнуться. — Марик, ты не думай, я такие слова знаю.

— И что, сама их говоришь? — нахмурился юноша.

— Нет, что ты, я знаю, что это плохие слова. Грязные.

Марик отчего-то усмехнулся, и Наташе почудилось что-то недоброе в его глазах. Он предложил план действий: сейчас Наташа полежит, и может быть, даже поспит, пока не вернется с работы ее мама. К половине седьмого ей придется встать и пересесть за стол, а предварительно принести из своей комнаты учебники и тетрадки. Маме, а потом и отцу Марик скажет, что занимается с Наташей, проверяет, как она сделала упражнения и решила примеры, объясняет ошибки. И еще он скажет, что они могут не беспокоиться, поужинает Наташа сегодня с ним и его мамой. Сейчас он сходит к Рите Брагиной и договорится с ней, чтобы та пригласила Казанцевых-старших к себе «на телевизор», как раз в восемь часов будут передавать хороший спектакль. Пока родители отсутствуют, Наташа проберется к себе и уляжется в постель. Самое главное, чтобы никто с ней не разговаривал и не смог учуять запах спиртного.

— План понятен? — строго спросил Марик.

— Понятен.

— Голова прошла?

— Почти.

— Тогда постарайся поспать, к половине седьмого я тебя разбужу.

Наташа задремала, свернувшись клубочком. Откуда-то издали ей слышались голоса Бэллы Львовны и Марика, причем голос юноши был грустным, а голос его матери — сердитым. Потом ей показалось, что голоса переместились куда-то в сторону, сначала они звучали совсем близко и приглушенно, как будто люди

специально стараются говорить потише, а потом голоса отделились и зазвучали справа, оттуда, где была комната Полины Михайловны и Ниночки. Сквозь дрему Наташа улавливала несвязные обрывки фраз: «Как ты могла... Ребенок... Водка... Ничего не соображаешь... Так говорить о ее родителях... Никто не должен знать... Дай слово...» Девочка поняла, что соседи ссорятся из-за нее.

Ровно в половине седьмого, когда по коридору тяжело процокали каблуки маминых туфель, Наташа, умытая и причесанная, сидела за большим столом с Бэллой Львовной и Мариком. Раскрытый задачник по арифметике, тетрадка, исписанная ровными столбиками решенных примеров, ручка — ну чем не примерная ученица! Бэлла Львовна выглянула в коридор:

— Галочка, Наташа у нас, она с Мариком занимается арифметикой.

На пороге комнаты появилась мама, усталая, в старом платье в цветочек, с кошелкой, из которой торчал белый батон и бутылка кефира с зеленой крышечкой.

— Ты обедала? — спросила она, глядя издали на Наташу.

Наташа в первый момент растерялась, но выручил Марик:

— Она со мной обедала, Галина Васильевна. Мы ели яичницу с колбасой и помидорами.

— А для кого я, спрашивается, готовлю каждый день? Там суп стоит за дверью, котлеты нажарены, я специально ни свет ни заря вскакиваю, чтобы тебе обед оставить, а ты соседей объедаешь. Как тебе не стыдно!

— Ну-ну, Галочка, не кипятитесь. — Бэлла Львовна подхватила Наташину маму под руку и увела дальше по коридору, прикрыв за собой дверь в комнату.

Они о чем-то долго разговаривали на кухне, потом Бэлла Львовна вернулась улыбающаяся и довольная.

— Все, золотая моя, я тебя отбила. Мы с мамой нашли компромиссное решение, ты будешь ужинать у нас, но я разогрею для тебя суп и котлеты, которые ты не съела на обед. Ты знаешь, что такое компромиссное решение?

— Знаю, вы мне в прошлом году объясняли.

— Ну вот и славно.

Дальше все пошло так, как и было задумано. Пришел отец, но к Бэлле Львовне не заглянул, вероятно удовлетворившись объяснениями жены. Без пяти восемь в коридоре зазвенел голосок Риты Брагиной:

— Бэллочка, Марик, Галя, Саша, Полина Михайловна, Ниночка, приходите к нам спектакль смотреть! Называется «Карьера Артуро Уи, которой могло и не быть!» Постановка Товстоногова! Все бегите скорей, через пять минут начинается!

Возникло некоторое оживление, в комнату снова заглянула мама:

— Бэллочка, Марик, вы идете?

— Я пойду с удовольствием. — Бэлла Львовна поднялась с дивана и накинула на плечи красивую вязаную шаль. — В театре у Товстоногова такие дивные актеры, а в моем телевизоре все такое крошечное, лиц не разглядеть. Говорят, в этом спектакле Луспекаев просто изумителен.

— А Марик?

— Марик пусть с Наташей позанимается.

К девяти часам Наташа лежала в своей постели в пустой комнате и мысленно перебирала минута за минутой этот день, показавшийся ей таким длинным, хотя половину его она пробыла в забытьи. Наверное, Люся и вправду совсем не любит ее, раз не заступилась и не взяла с собой смотреть фильм. Наверное, папе ее совсем не жалко, он уже старый, ему пятьдесят четыре года, и он не понимает, что десятилетняя девочка хочет во время каникул гулять и играть с подружками, ходить в кино и покупать миндаль в сахаре и «курабье» в магазине «Восточные сладости». Наверное, мама ее все-таки любит, но не хочет ссориться с папой, потому что его она тоже любит. В этих рассуждениях все зыбко и пока неточно, над этим она еще подумает, но потом, когда голова станет ясной и тошнота окончательно пройдет. А вот что она теперь знает точно, так это три вещи. Первое: водка — это жуткая дрянь и мерзость. Второе:

никому нельзя говорить плохо о его родителях и вообще о его близких. Наташа и сама почувствовала болезненный укол, когда Нина стала обзывать маму с папой и Люсю, ей было неприятно и отчего-то стыдно, а потом, когда Бэлла Львовна кричала на Нину и ругалась, девочка восприняла это как подтверждение: да, Нина поступила неправильно. Плохо она поступила. И не только потому, что дала ей водки, но и потому, что сказала про Наташиных родителей и сестру такие грязные слова. И третье, самое главное: Бэлла Львовна опять оказалась права: если бы Наташа не валяла дурака, не была рассеянной и не предавалась дурацким мечтаньям, а делала бы уроки как следует и в школе была внимательной и собранной, то сейчас сидела бы в огромном кинозале рядом со своими кумирами и смотрела бы фильм «Брак по-итальянски», который никто из ее одноклассников никогда не увидит.

Она уже крепко спала и не слышала, как вернулись родители и как пришла счастливая взбудораженная Люся, как она (редчайший случай!) захлеб рассказывала, кого из знаменитостей видела и кто во что был одет, и какое потрясающее кино она посмотрела, и какая красавица Софи Лорен, и как безумно талантлив Марчелло Мastroяни.

Утром Наташа Казанцева проснулась другим человеком. Пережитая накануне горечь и обида подействовали на нее как хлыст. «С сегодняшнего дня все будет по-другому», — сказала она себе и принялась за дело.

* * *

Ей повезло, потому что Марик этим летом никуда не уехал, во время студенческих каникул он пошел работать на почту. С утра Наташа занималась устными предметами, училась бегло читать вслух, не пропуская слоги и слова, зубрила французский, днем решала примеры и задачи с Мариком, а по вечерам, когда приходила Бэлла Львовна, наступало время русского языка, орфографии и чистописания. К концу августа она про-

шла с ними всю программу четвертого класса по русскому и арифметике.

— Туся, ты жутко способная, — удивленно говорил Марик. — У тебя такая ясная головка и память отменная. Вот ты еще чуть-чуть потренируешься, чтобы окончательно избавиться от своей рассеянности, и станешь первой ученицей в классе.

От этих слов Наташино сердечко таяло. Только Марик называл ее этим смешным именем — Туся. Со-кращенное от Натуси. И услышать похвалу из его уст — это ли не счастье? Не говоря уж о том, что теперь они проводили вместе по несколько часов в день, склонившись над столом голова к голове. Наташе очень не хотелось выглядеть дурочкой в его глазах, поэтому она изо всех сил старалась не отвлекаться ни на какие мысли и не мечтать о кренделях небесных, а внимательно слушать его объяснения. К немалому ее удивлению, привычная рассеянность понемногу отступала, и ей уже без труда удавалось относительно долгое время оставаться сосредоточенной и не делать дурацких ошибок.

— Она не рассеянная, она мечтательная, — с мягкой улыбкой поправляла сына Бэлла Львовна. — От этого нельзя избавиться, когда человек перестает мечтать, он становится сухим и пресным занудой.

Двадцать восьмого августа вечером, после ужина, Наташа положила перед отцом два учебника за четвертый класс — по русскому и по арифметике, и стопку тоненьких тетрадок в клеточку и в линейку.

— Проверь, пожалуйста, я прошла всю программу за год вперед.

Отец молча взял тетради и учебники, нацепил на нос очки и уселся на диван. Наташа ушла на кухню, помогла матери перемыть посуду и отправилась к Брагиным. Дядя Слава уехал отдыхать в санаторий в Кисловодск, а тетя Рита задумала сделать Марику подарок ко дню рождения — сшить по выкройке из журнала «Работница» такой же пиджак, как у битлов, песнями, прическами и костюмами которых бредила в этом году вся

молодежь. Бэлла Львовна тайком от сына купила отрез, а тетя Рита — счастливая обладательница немецкой швейной машинки — взялась за шитье. Без Наташи в таком деле, конечно же, обойтись не могли, ее зоркие молодые глаза и уверенные точные пальчики позволяли в одно мгновение вдевать нитку в машинную иглу, которую нельзя было, как обычную иголку, повернуть к свету и взять поудобнее. Кроме того, Наташе можно было поручить обметывание швов, стежки у нее получались ровные и красивые, один к одному.

Когда она вернулась к себе, мама посмотрела на нее с гордостью и поцеловала, а отец скупно сказал:

— Молодец. Далеко пойдешь. Голова работает, и слово держать умеешь.

Достал из кошелька красную десятирублевую купюру и протянул дочери.

— Держи вот, купишь себе тетрадки и все, что нужно, к новому учебному году.

— Этого много, — робко возразила Наташа, — мне столько не нужно. Тетрадки по две копейки, карандаши по три, ластики по копейке, а линейка у меня еще хорошая, и ручка тоже. Ну там еще чернила, альбом для рисования и краски, но мне трех рублей на все хватит.

— Бери, бери, в кино сходишь, мороженое купишь или конфет каких-нибудь. Заслужила.

Пряча огромное, немислимое богатство в карман, Наташа прикидывала, как рационально истратить его, чтобы обязательно купить подарки Бэлле Львовне и Марику, ведь только благодаря им у нее все получилось. Они занимались с ней, тратили на нее свое свободное время. Что же такое им подарить? Наверное, Марику — ручку, она видела еще весной в канцелярском магазине такие красивые ручки с золотистыми колпачками и в специальных футлярчиках. А Бэлле Львовне она купит пластинку. Какую? Ну ясно же, какую. Однажды Бэлла Львовна, слушая радио, проронила:

— Моцарт, моя любимая Сороковая симфония.

Вот эту-то Сороковую симфонию Наташа ей и подарит.

Весь год обучения в четвертом классе превратился для Наташи Казанцевой в сплошной праздник. Интенсивные занятия во время летних каникул сделали учебу легкой и совсем не скучной, потому что разве могут наскучить постоянные похвалы и восторги учителей! «Вы только посмотрите, как изменилась Казанцева! Все время была в отстающих, а теперь девочку как подменили. На уроках слушает внимательно, не отвлекается, в тетрадках чистота, у доски отвечает уверенно. Дети, вы все должны брать пример с Наташи. Наташа, выйди к доске и расскажи нам всем, как ты за одно лето научилась писать без помарок». Она стала центром всеобщего внимания в классе и среди учителей, получала сплошные пятерки, ее хвалили на родительских собраниях, после которых мама приходила домой довольная и сияющая. И табели с оценками за четверть теперь было не страшно приносить и показывать отцу.

Общему радостному настроению способствовало и то, что теперь появилось два новых праздника. В октябре впервые отмечали День учителя, все пришли в школу с букетами астр и гладиолусов, а многие несли в руках еще и пучки желто-красных кленовых листьев. Девочки были в белых передничках, учителя никому не ставили двоек, после уроков в актовом зале прошел замечательный концерт художественной самодеятельности, одним словом, получился настоящий праздник! А весной случилось еще одно приятное событие — Международный женский день 8 Марта объявили нерабочим днем. Вот уж радость была — нежданно-негаданно образовался еще один выходной, когда можно не ходить в школу!

Четвертый класс Наташа закончила круглой отличницей и получила похвальную грамоту. По этому поводу мама испекла торт и позвала в гости на чаепитие всех соседей. Дядя Слава Брагин, как всегда, не смог прийти, он очень занят и возвращается домой поздно, зато тетя Рита подарила Наташе красивую книжку в

красном переплете «Приключения Незнайки и его друзей». Увидев это, Марик усмехнулся:

— Ритуля, такие книжки дети читают во втором классе, а Туся у нас уже большая, ее на будущий год в пионеры принимать будут.

Тетя Рита смутилась, и Наташа тут же кинулась ее защищать:

— Ну и что, что в пионеры, а я эту книжку еще не читала. Спасибо большое, тетя Рита, я обязательно прочитаю про Незнайку, вот прямо завтра и начну.

— Ты не читала про Незнайку? — удивился Марик. — Ну, Туся, мне за тебя стыдно. Книги надо читать, а то получится из тебя необразованная отличница.

— Как это? — растерялась Наташа.

— А очень просто, — подхватила Бэлла Львовна. — Пятерки в школе — это гарантия минимальных знаний, но на одних этих знаниях в жизни далеко не уедешь. Ты научишься хорошо считать и писать без ошибок, а поговорить с тобой будет не о чем. Вот понравится тебе мальчик, вы пойдете с ним гулять, он тебя спросит: «Наташа, тебе кто больше нравится, Джек Лондон или Фенимор Купер?» А ты и ответить не сможешь. Мальчику станет скучно с тобой, и он больше не позовет тебя гулять.

— Ну, положим, про мальчиков ей думать еще рано, — добродушно пробасил отец, — но Бэлла Львовна права, читать надо. Вон сколько книг в доме, а ты хоть бы одну в руки взяла.

Наташа покраснела, ведь ее стыдили при Марике, а хуже этого ничего не может быть. Сиреневые тома Джека Лондона действительно стояли на книжной полке, и Фенимор Купер у них был в зелено-оранжевом переплете. И много других книг. Ну почему все постоянно талдычат одно и то же: читать, читать, читать... А она кино любит.

— Между прочим, — заметил Марик, — твой любимый фильм — «Человек-амфибия», а книжку ты читала? Ведь как интересно было бы прочесть книгу и посмотреть, чем она отличается от того, что ты видела в кино.

— А разве есть такая книжка?

— Здравсьте, приехали! — Марик картинно развел руками. — Туся, ты меня просто поражаешь. Конечно, такая книжка есть, ее написал Александр Беляев. Хочешь, дам почитать?

Он вышел и через несколько минут вернулся с книгой. Отдав ее Наташе, Марик сел не туда, где сидел раньше, а рядом с Ниночкой. Он был такой красивый, в черном «битловском» пиджаке, который сшила для него тетя Рита Брагина, с волнистыми темными волосами и блестящими выпуклыми глазами, и Наташе отчего-то было тревожно и неприятно видеть его рядом с хорошенькой Ниночкой, тоже темноволосой и темноглазой, только лицо у нее было не смуглое, как у Марика, а белое-белое. На Ниночке надето ярко-красное платье с облегающим лифом и на тонких бретельках, на губах ярко-красная, как платье, помада, в ушах — крупные серьги из янтаря, и вся она сверкает и переливается, как новогодняя елка. Только Наташа ничего этого не видит, для нее Ниночка, сидящая рядом с Мариком и загадочно улыбающаяся, окрашена в холодный голубоватый цвет. Это цвет опасности. Когда Наташе было шесть лет, мама учила ее зажигать газовую плиту. Девочка ужасно боялась голубого пламени, и с тех пор все опасное для нее было голубым.

Полина Михайловна, мать Ниночки, тоже пришла, сидела надутая и сердитая и то и дело с горестными вздохами начинала сетовать на жизненные неудачи. Мол, не всем так везет с мужьями, как Рите Брагиной, а коль растишь дочку без мужней помощи, так разве можно ждать, что она будет так же хорошо учиться, как Наташа. Бэлла Львовна на это ответила, что она тоже вырастила Марика без мужа, который умер от ран, полученных во время войны, когда сыну было два годика. Но это не помешало мальчику учиться только на «отлично» и поступить в институт. Полина Михайловна буркнула в ответ:

— Нечего сравнивать. Такие, как вы, всегда умеют устроиваться.

Возникла неловкая пауза, и Наташе показалось, что на какое-то мгновение комната оказалась залита оранжевым светом с коричневыми всполохами. Но это длилось лишь секунду, потом рука Ниночки легла на плечо Марика, а Наташин отец, повернувшись к сидящей рядом Бэлле Львовне, стал накладывать в ее тарелку кусок торта и что-то говорить. Тетя Рита вскочила с места и звонко объявила:

— Предлагаю всем налить в чашки чай, попробовать замечательный торт нашей Галочки и поздравить нашу самую младшую соседку Наташечку с выдающимися успехами в учебе и с получением похвальной грамоты. Ура!

Было очень весело, все шутили, смеялись, пели хором «Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре» и «А за окном то дождь, то снег». И только сестра Люся весь вечер просидела молча, рта не раскрыла.

* * *

С женихом Костиком у Люси отношения разладились как раз после того, как он сломал ногу. Люся не утруждала себя частыми посещениями пострадавшего ни пока он лежал в больнице, ни тогда, когда он с загипсованной ногой сидел дома, ограничивалась только телефонными звонками. А Костик поскучал-поскучал да и развлекся тем, что влюбился в медсестру, которая ухаживала за ним в палате. Люся долго не могла понять, что происходит и почему Костик обижается на нее, ведь это же так важно и так интересно — собраться в университетской общаге и до хрипоты обсуждать «Антимиры» Андрея Вознесенского или «Братскую ГЭС» Евгения Евтушенко, спектакль Театра на Таганке «Добрый человек из Сезуана» или возможности первой электронно-вычислительной машины «Урал». Сама Люся студенткой уже давно не была, она три года назад закончила институт и работала на заводе в конструкторском бюро, но Костик как раз еще учился на факультете журналистики, и у них была общая компания, ме-

стом сбора которой стало студенческое общежитие. В общаге не только спорили и обсуждали, там и пели под гитару где-то услышанные и подпольно разученные полублатные песни Высоцкого, изысканные романсы Окуджавы и длинные песни-новеллы Галича, от которых веяло смертным холодом одиночества, запахом лагерных бараков и безысходной тоской предательства. И разве можно было отказываться от таких посиделок ради того, чтобы навестить Костика? Да и нужно ли? Конечно, нельзя сказать, что Люся совсем уж обделяла вниманием своего жениха, она навещала его примерно два раза в неделю, и если бы речь шла просто о приятеле или сокурснике, то этого было бы даже много, но ведь она собиралась выйти замуж за этого человека, жить с ним вместе долгие годы, потому что они и дня не могли провести друг без друга. И вдруг оказалось, что Люся не очень-то и скучает по своему избраннику и вполне может обходиться без ежедневных свиданий с ним, что есть для нее вещи куда более важные и интересные, нежели вечер, проведенный наедине с женихом. Может быть, Люся не любила Костика, а всего лишь рассматривала его как подходящий вариант замужества, не век же в девках-то сидеть, ведь как-никак двадцать семь уже. Может быть, она любила его, но по-своему, любила так, как умела, и в это умение не входили ни внимательность, ни заботливость, ни нежность. Одним словом, Люся Костиком пренебрегла, а он увлекся другой девушкой, и, когда Люся спохватилась, было уже поздно. Роман с медсестричкой развился так стремительно и зашел так далеко, что Люсе осталось только пожинать плоды своей душевной черствости.

Всегда сдержанная и молчаливая дома, Люся Казанцева с тех пор совсем ушла в себя. Она и раньше-то не баловала своих домашних разговорами, а теперь хорошо, если два слова за день произнесет. Высокая и тонкая, с правильными чертами лица и пышными волосами, такими же темно-рыжими, как у матери, Люся казалась своей младшей сестренке почти божеством,

недосягаемым и непостижимым. Она вся окружена тайной, по телефону разговаривает так тихо, что ничего не слышно, никогда не рассказывает ни о работе, ни о друзьях, никого не приглашает в гости и не знакомит с родителями. По ночам что-то пишет в толстых тетрадках, но дома их не оставляет, уносит с собой. Наташа, сгорая от любопытства, несколько раз спрашивала:

— Люся, а что это ты пишешь? Ты ведешь дневник, да?

— Не твое дело, — сквозь зубы бросала сестра, не поднимая головы.

— Почему не мое? — недоумевала Наташа. — Почему ты не можешь мне сказать? Это секрет, да?

— Отстань, шмакодявка. Ты еще маленькая.

И так всегда. Наташа для нее — шмакодявка, маленькая и неразумная, с которой разговаривать ниже Люсиного достоинства.

Однажды Наташа даже решилась на некрасивый поступок: выдвинула те два ящика письменного стола, которые принадлежали сестре, в попытках отыскать заветные тетради и прочесть, что же в них написано, но потерпела неудачу. Тетрадей там не оказалось, а ведь Люся, включив настольную лампу, писала накануне часов до двух ночи, Наташа это точно помнила, потому что вставала попить воды и посмотрела на часы.

Когда Костик объявил Люсе, что собирается жениться на медсестре, в семье на некоторое время воцарился траур. Люся взяла больничный и несколько дней лежала в постели и плакала, ничего не ела и ни с кем не разговаривала. У Наташи сердце разрывалось от жалости к любимой старшей сестре, она искренне хотела помочь ну хоть чем-нибудь, хотя бы просто вниманием и сочувствием.

— Тебе принести попить? — заботливо спрашивала она Люсю. — Хочешь, я чаю сделаю? Хочешь, я схожу в магазин и куплю тебе что-нибудь вкусное? Хочешь, я попрошу у Марика интересную книжку для тебя? Хочешь, я почитаю тебе вслух? А давай пойдем к Бэлле Львовне на телевизор, там кино хорошее показывают.

Но в ответ слышалось только одно:

— Отстань.

Наташа расстраивалась, ей так хотелось помочь, так хотелось быть полезной, а Люся отталкивала ее. Вот у Наташиной подружки Инки Левиной тоже есть старшая сестра, ее зовут Мила, так эта Мила с Инки глаз не сводит, утром в школу провожает, по воскресеньям ходит с ней в кино и в Парк имени Горького, и Наташу они с собой берут. Мила всегда находит время, чтобы поболтать с сестренкой и ее подружками, помочь с уроками, она не жадничает и дает девчонкам примерять свои шикарные платья и юбки с блузками, которые им, конечно, велики, но все равно красиво. Ах, если бы Люся была такой же, как Мила, если бы она так же любила свою сестру и заботилась о ней, Наташа Казанцева была бы самой счастливой на свете. Но Люся к ней равнодушна, как будто и не замечает, что у ее родителей есть еще один ребенок. Она никак не отреагировала на Наташины школьные достижения и не удостоила девочку ни поздравлением, ни похвалой, ни даже просто добрым словом. Будто все это ее не касается. Живет себе Люся в своей башне из слоновой кости, хрупкая и прекрасная, необыкновенная и не понятая окружающими, и не снисходит до того, чтобы хотя бы взглянуть на обыкновенную земную жизнь.

* * *

Учиться в пятом классе оказалось не так легко, как в четвертом. Во-первых, награжденная похвальной грамотой, Наташа это лето, в отличие от предыдущего, провела так, как и полагается его проводить обыкновенным школьницам; а во-вторых, с пятого класса начинаются разные серьезные предметы: история, география, ботаника, вместо чтения — литература. В первые же две недели нового учебного года Наташа ухитрилась схватить три четверки и даже одну тройку. Сперва она даже растерялась от неожиданности, но сумела быстро взять себя в руки. Она уже была отравлена

сладким ядом успеха и всеобщего признания, она уже знала, что такое быть первой и быть лучшей, и возвращаться назад, в болото середнячков, не собиралась. Позорные отметки были исправлены в самое короткое время, и Наташа дала себе слово больше не расслабляться, ведь впереди сияла новая цель. Первого сентября новый классный руководитель Валентина Михайловна объявила:

— Вы знаете, что в этом году вас будут принимать в пионеры. Самых лучших учеников в пионеры будут принимать в Музее Ленина, всех остальных — здесь, в школе, в музее боевой славы. Для того чтобы заслужить высокую честь быть принятым в пионеры в Музее Ленина, вы должны не только хорошо учиться и получать одни пятерки, но и примерно себя вести в школе и дома, быть вежливыми и аккуратными, уважать старших и слушаться их.

Разумеется, для Наташи и речь не могла идти о том, чтобы ее принимали в пионеры в школе. Только в Музее Ленина! Она будет лучшей и добьется этой высокой чести.

Когда Наташа рассказала родителям о своих планах, отец немного подумал и, скупно улыбнувшись, сказал:

— Посмотрим. Если добьешься, если выполнишь то, что задумала, я оформлю подписку на журнал «Советский экран», будешь получать каждый месяц.

— Ур-ра!! — завизжала Наташа, бросаясь отцу на шею.

Да, при всей своей педагогической строгости и непреклонности Александр Иванович Казанцев знал, как сочетать кнут и пряник в воспитании дочери. Наташина любовь к кинематографу отнюдь не ослабевала, наоборот, увлечение становилось все сильнее. На день рождения отец подарил Наташе уже второй альбом для открыток, куда девочка вставляла купленные в киосках цветные фотографии актеров. Другим источником пополнения коллекции стал журнал «Советский экран», откуда Наташа аккуратно вырезала фотографии, на-

клеивала на кусочек ватмана такого же размера и получала вполне сносную самодельную открытку. Как только дочь начала учиться на пятерки, отец стал регулярно выдавать ей деньги на кино и перестал ругать за то, что она смотрит один и тот же фильм по нескольку раз. Если нравится — пусть смотрит, лишь бы не в ущерб учебе. Фильм «Ко мне, Мухтар!» Наташа посмотрела четыре раза и каждый раз заливалась слезами сначала на том месте, где Мухтар бросается на предавшую его хозяйку, и еще раз — в самом конце, когда он, постаревший и больной после ранения, страдает от собственной ненужности и скучает по прежней работе. На «Берегись автомобиля» она ходила семь раз и знала его практически наизусть, но рекорд был поставлен Наташей на фильме «Звонят, откройте дверь» — двенадцать раз! Она и сама не могла бы объяснить, чем приворожила ее эта кинокартина о жизни школьников, ее ровесников. Может быть, тем, что главная героиня — пятиклассница, как и сама Наташа, — влюблена в своего пионервожатого, которому столько же лет, сколько Марику. А может быть, тем эпизодом, когда актер Ролан Быков выходит на сцену и начинает играть на трубе. В этом возрасте она еще не знала такого понятия «сильная сцена», а только чувствовала, что сердце почему-то сжимается и по лицу текут слезы, которые невозможно остановить, сколько бы раз ты ни смотрела фильм. А вот комедия «Операция Ы и другие приключения Шурика» оставила ее равнодушной. Посмотрела один раз, потом — скорее по привычке и для порядка — второй, и так и не поняла, почему все ребята в классе сходят с ума по этому фильму. На следующий год то же самое повторилось с «Кавказской пленницей». Народ валил на комедию валом, в повседневную речь прочно вошли цитаты вроде «Птичку жалко», «Короче, Склифософский», «Кергуду» или «Спортсменка, комсомолка, отличница и, наконец, просто красавица». А Наташа недоумевала: ну что они все нашли в этом фильме? Ни погрустить, ни поплакать, только одни хиханьки да хаханьки.

К летним каникулам 1967 года Наташа пришла с достойным результатом: очередная похвальная грамота за отличную учебу, две грамоты за победу в районных и городских соревнованиях по легкой атлетике, прием в пионеры в Музее Ленина, и — самое главное! — ее выбрали председателем совета отряда. Она хорошо помнила наказ Бэллы Львовны: ты должна завоевать уважение и авторитет, чтобы тебя выбрали сначала звеньевой, а потом председателем совета отряда. А ей удалось сразу перепрыгнуть через ступеньку и миновать должность звеньевой!

— Поедешь в пионерский лагерь? — спросила мама. — У нас на работе путевки есть.

— Нет, — твердо отказалась Наташа, — я лучше в Москве останусь.

— Опять будешь из кинотеатров не вылезать. — Мама недовольно покачала головой. — Тебе надо больше бывать на воздухе, гулять, а ты в четырех стенах все время сидишь, то в школе, то дома, то в кино своем дурачком.

— Кино не дурацкое, — обиделась девочка.

— Галина, оставь ее, — вмешался отец. — У ребенка есть интерес, это в любом случае лучше, чем бессмысленное гулянье. Ты уже плешь проела своей любовью к свежему воздуху, а что от него толку? На свежем воздухе далеко не уедешь и жизнь не построишь.

— Свежий воздух — это здоровье. — Мама явно начала раздражаться и повышать голос, и Наташа поняла, что вот-вот снова разгорится скандал. И почему родители так любят ссориться по любому пустяку?

Она привычно убежала к Бэлле Львовне, чтобы в тишине и покое синей комнаты пересидеть домашнюю красную бурю. Почему красную — она точно не знала, просто она так чувствовала, мысленно называя «красной бурей» скандалы, возникающие между мамой и отцом.

— Ты действительно не хочешь ехать в лагерь? — недоверчиво переспросила Бэлла Львовна.

— Не хочу, честное пионерское.

— И ты действительно собираешься каждый день ходить в кино?

— Если денег дадут, — вздохнула Наташа. — Билет на дневной сеанс стоит десять копеек, умножить на девяносто дней — получается девять рублей. Огромные деньги.

— А если ходить в кино каждый день по два раза, то восемнадцать рублей, — засмеялась соседка. — Это уже целый капитал. Ты что-нибудь слышала о переходе количества в качество?

— Нет, — призналась девочка.

— Так вот, тебе нужно всего двадцать копеек в день, чтобы два раза сходить в кино на дневной сеанс. Всего двадцать копеек. Это ведь немного, правда?

— Не знаю, для меня много.

— А для твоих родителей — нет, можешь мне поверить. Сегодня двадцать копеек, завтра двадцать копеек... Это же такие деньги, на которые все равно ничего серьезного не купишь, так что их и не жалко, правда? А за три месяца набегает восемнадцать рублей. Целое платье. Это и называется переходом количества в качество. Ты вот небось сидишь сейчас и думаешь, что твоей маме придется отказаться от нового платья, чтобы ты могла все лето каждый день ходить в кино. Ведь думаешь?

— Думаю, — согласно кивнула Наташа.

— Выбрось из головы, — решительно посоветовала Бэлла Львовна.

— Почему?

— Потому что если ты вспомнишь, сколько денег потратила на кино за всю свою жизнь, то вообще в обморок упадешь. А сколько еще потратишь в будущем? Так что ж теперь, в кино не ходить? Ты мне лучше вот что скажи. Ну, допустим, тебе удастся сходить на два дневных сеанса, но день-то длинный. Все твои подружки разъедутся, кто на дачу, кто к родственникам в деревню, кто в пионерлагерь. И что ты собираешься делать одна до самого вечера?

— Буду читать.

— О, это прогресс. Наконец-то я услышала от тебя разумные слова. А что читать будешь? Сказки и приключения?

— Ну да. И про любовь, — добавила Наташа, слегка смутившись.

— А учебники? Не хочешь подстраховаться перед новым учебным годом? В шестом классе начнутся сложные предметы: физика, химия, алгебра, геометрия. Тебе надо бы заранее настроить голову, чтобы не ударить лицом в грязь, ты ведь теперь председатель совета отряда — человек ответственный, на тебя остальные равняются, ты всем пример подаешь. Ты должна быть лучшей, быстрее всех схватывать новые знания и лучше всех отвечать у доски.

— Я... — Наташа замялась, и тут Бэлла Львовна нанесла решающий удар:

— Марик тебе помог бы, он до середины августа никуда не уедет.

Марик! Ну конечно! Разве можно от этого отказываться? Да об этом только мечтать можно. И потом, Бэлла Львовна, как всегда, права, председатель совета отряда не имеет права получать тройки.

Это лето 1967 года стало для обитателей коммунальной квартиры в переулке Воеводина (а именно так стал с 1965 года именоваться Решиков переулок) летом больших перемен. В начале июня у Брагиных появился новый телевизор «Электрон» с необъятным — 59 сантиметров по диагонали — экраном, даже большим, чем у их прежней «Беларуси-5». Три дня вся квартира по вечерам собиралась у Брагиных, дабы насладиться невиданно крупным изображением. Теперь можно было даже разглядеть сережки в ушах у женщины-диктора. А к середине июля Наташа узнала, что Брагины скоро переедут, дядя Слава получил от своего треста отдельную квартиру.

— Саша, вы должны немедленно пойти в исполком и добиться, чтобы освободившуюся комнату отдали вашей семье, — ежедневно твердила Бэлла Львовна Наташиному отцу, — это же невозможно — как вы живете

вчетвером друг у друга на головах. Если вы упустите момент, то, как только Брагины выпишутся отсюда, к нам немедленно поделят новых соседей. И еще неизвестно, кто это будет. А вдруг это окажется семья с отцом-алкоголиком и мальчишкой-хулиганом? А у вас девочка растет, вы должны об этом думать.

— Я не могу ходить и просить, — говорил отец.

— Но вы же не выпрашиваете лишнего, ведь вторая комната для вашей семьи — это жизненная необходимость.

— Ничего подобного, — отрезал тот. — Другие и похуже нас живут. В подвальных помещениях ютятся. Им эта комната нужнее.

Тогда Бэлла Львовна переключилась на Наташину маму:

— Галочка, наша квартира — это редчайшее исключение из правила; когда на кухне больше одной хозяйки, неизменно возникают жестокие конфликты. А мы живем практически как одна семья. Нам страшно повезло, что в одной квартире собрались такие уживчивые люди...

— Особенно Полина Михайловна, — вставляла в этом месте мама.

— Да, она пьет, — соглашалась Бэлла Львовна, — но она хотя бы не скандалит и не вредничает. А представьте себе, во что превратится наша жизнь, если сюда въедет семья скандалистов и дебоширов, которые станут водить к себе приятелей-алкашей? Или какая-нибудь жуткая пара молодоженов, к которым каждый день будут вваливаться по два десятка гостей, всю ночь они будут танцевать под громкую музыку, а квартира за неделю превратится в хлев. Мы все поддерживаем здесь чистоту, мы все люди сознательные и места общего пользования убираем строго по графику, а какая-нибудь молодуха в свою неделю убираться не станет, и что тогда? Мы будем за нее мыть туалет, ванну и полы? Да мы же все перессоримся только из-за одного этого!

— Я не знаю, Бэллочка, — робко отвечала мама, — я не умею ходить по начальству. Да и Саша против.

Поняв, что с семьей Казанцевых каши не сварить, Бэлла Львовна обратилась к самому Брагину, и, к всеобщему удивлению, тот ответил:

— Нет вопросов, Бэллочка, я завтра же позвоню председателю исполкома и поговорю с ним.

Вопрос решился быстро и легко. Никто не ожидал, что Брагин, которого все считали нелюдимым и заносчивым, проявит такую оперативность в интересах соседей, которые со дня на день должны были стать бывшими соседями. Все сошлись во мнении, что, в сущности, плохо знали Славу Брагина, потому что он страшно занятой человек, уходил на работу раньше всех и приходил часов в десять вечера усталый, голодный и злой. Зато его молодая жена Рита была у всех на глазах, и все видели, как она изо всех сил старается ему угодить, достает невесть где самые дефицитные продукты, а также все самое свежее и дорогое на рынке, а не в магазине, как все, и часами колдует на кухне над плитой. «Мой Славочка любит то... Мой Славочка любит это... Славочка терпеть не может, когда пережарено... Славочка недоволен, когда слишком много чеснока...» Славочка, Славочка! А Брагин приходил раздраженный и не склонный ни к каким разговорам, никогда не выходил на кухню (не начальственное это дело), еду ему Рита всегда носила в комнату, а потом выносила на подносе горю грязных тарелок, кастрюлек и мисочек. Даже когда Брагины приглашали к себе посмотреть телевизор, то само приглашение неизменно исходило от милой приветливой Риты, а Брагин, если был дома, сидел молча и ни с кем не разговаривал. Вот и сложилось у всех мнение, что их сосед — гордец и бука, а на самом-то деле он оказался милейшим человеком, просто устает сильно на работе, должность ответственная. Тут уж не до досужей кухонной болтовни.

Так что, когда настало время паковать вещи и грузить их в большую машину, всем стало даже как-то грустно. Хорошие люди эти Брагины, жаль, что съезжают.

— Приходите ко мне на работу, я вас без очереди

причешу, — говорила Рита, по очереди обнимая всех соседей и смаргивая с накрашенных ресниц слезы.

Сам Брагин пожал всем руки, а Наташу неожиданно поцеловал в макушку и сказал:

— Наслышан о твоих успехах. Молодец, так держать.

Эти слова повергли всех в полное изумление. Никому и в голову не могло прийти, что Рита обсуждает со своим мужем подробности внутриквартирной жизни. И еще меньше можно было ожидать, что Брагин вникает в ее щебетанье и что-то из рассказанного даже запоминает.

В тот же день вечером мама радостно заявила:

— Ну, девочки, собирайте свои вещи, будем вас переселять в отдельное помещение.

Однако отец тут же оборвал ее порыв:

— Погодите, рано еще. Вот оформим все документы, тогда и переселим девочек.

— Но в исполкоме же обещали, — испугалась мама. — Не могут же они передумать, мы и заявление написали, и все подписи собрали и справки. Ты участник войны, они не могут тебя обмануть.

— Мало ли что, — неопределенно ответил он. — Неделя ничего не решает. Сначала получим на руки ордер, тогда и вещи перенесем.

Но опасения отца не подтвердились, ордер они получили без всяких проволочек, видно, Слава Брагин был фигурой значительной и авторитетной. И в этот момент Наташе был нанесен еще один удар.

— Я переселяюсь одна, — объявила сестра Люся, соизволив наконец открыть рот.

— Как это — одна? — оторопела мама.

— Молча. Мне нужна отдельная комната. Я тут с вами с ума сойду, никакой жизни нет.

— Доченька, но как же это?.. — залепетала мама.

Отец рукой отстранил жену и встал перед старшей дочерью.

— Я не позволю тебе диктовать нам условия жизни! — загремел он. — Кто ты такая? Чего ты в жизни до-

билась, чтобы требовать для себя отдельную комнату? У тебя есть сестра, и ты обязана с этим считаться. Ты ведешь себя как принцесса среди крепостной дворни, мы с матерью это терпели много лет, но сегодня ты перешла все границы! Ты будешь жить в одной комнате с Наташей, и кончено!

— Не буду! Я не собираюсь жить с этой шмакодявкой, я взрослая женщина, мне скоро тридцать, и у меня должна быть своя жизнь.

— Какая своя жизнь? Тебе нужна комната, чтобы мужиков водить?!

Лицо отца налилось кровью, и Наташа испугалась. Никогда еще она не видела его в такой ярости.

— Папочка, — почти закричала она, — пожалуйста, не надо ссориться! Я с удовольствием останусь с вами. Пожалуйста, только не ругайтесь, пусть Люся живет отдельно, а мне с вами будет очень хорошо, я буду о вас заботиться, я буду помогать все-все делать, только не надо кричать и ругаться...

Отец схватил Наташу в охапку, прижал к себе, уткнулся лицом в ее волосы и несколько раз глубоко вдохнул.

— Доченька, — пробормотал он еле слышно, — сердечко мое золотое. — Потом отпустил Наташу и повернулся к Люсе. — Собирай свои вещи и уходи, — произнес он совсем спокойно. — Видеть тебя не хочу.

Конечно, через несколько недель конфликт потерял остроту, отец перестал сердиться и даже не вспоминал о том скандале. Люся переехала в комнату Брагиных, но кушала, разумеется, то, что готовила мать, и посуду за собой не мыла, оставляя эту честь маме и сестре. Однако зайти в ее комнату просто так оказалось невозможным. Люся запирала дверь на ключ даже тогда, когда была дома, и могла запросто не открыть родителям или сестре, ссылаясь впоследствии на то, что устала, уснула и стука не слышала. Первое время такое случалось редко, а потом все чаще и чаще, пока не перешло в систему.

К концу лета у Наташи выкристаллизовалось твердое убеждение в том, что сестра отказалась от нее. Люся ее предала.

* * *

— Бэлла Львовна, а у Марика есть невеста?

Этот вопрос Наташа собиралась задать уже давно, но все как-то смелости не хватало. Подумают еще, что она неспроста интересуется... Конечно, неспроста, она-то сама это знала, но вот всем остальным знать необязательно. Марик уже окончил свой пединститут и работал в школе учителем математики. В глубине души Наташа надеялась, что он придет работать именно в ту школу, где она учится, но его распределили совсем в другое место, куда-то на окраину Москвы. Теперь он куда чаще приходил домой поздно, да и женские голоса просили позвать к телефону Марка Аркадьевича не раз в неделю, как раньше, а три-четыре раза в день. Боллезненные уколы пронзали Наташино сердечко, и она мучилась неизвестностью, мечтая лишь об одном: чтобы Марик ни на ком не женился, пока она сама не вырастет и не докажет ему, что она — самая лучшая. Сегодня был последний день учебного года, Наташа закончила седьмой класс, с гордостью положила на стол перед родителями сверкающий пятерками табель и охапку грамот: за отличную учебу и примерное поведение, за активную работу в школьной пионерской организации, за подготовку пионерского отряда 7-го «А» класса к городскому смотру строя и песни, за первое место в соревнованиях по бегу и прыжкам в высоту, за участие в работе школьной художественной самодеятельности, за второе место на городской олимпиаде по истории и за первое — на олимпиаде по химии.

Родители похвалили ее и сообщили радостную новость: в этом году им наконец удастся отдохнуть летом всем вместе. Отцу дали путевку в сочинский санаторий, а мама и Наташа поедут вместе с ним, снимут комнату и будут жить рядом. Люся с ними не поедет, у нее

свои планы. Вот это было здорово! Только как быть с вошедшими в привычку летними занятиями? Наташа понимала, что только благодаря этим занятиям она легко усваивает новые знания, самые трудные — по математике и физике. А это дает возможность в течение года тратить на домашние задания куда меньше времени, чем требуется всем остальным, ведь задачи по физике и тригонометрии и длинные примеры по алгебре она щелкает как орешки, освобождая время для всего остального — для спорта, самодеятельности, общественной работы, — словом, для всего того, за что дают грамоты и что делает ее саму заметной фигурой в школе. Не говоря уже о том, что эти занятия — редкая и чудесная возможность проводить время вместе с Мариком, сидеть рядом с ним, слушать его голос, разогревать для него обед и мыть посуду, из которой он ел.

Наташа тут же помчалась к Бэлле Львовне выяснять, собирается ли Марик куда-нибудь уезжать летом, и если собирается, то когда. Оказалось, что Марик с друзьями в июле поедет в Ленинград смотреть на белые ночи, а в августе он вместе с Бэллой Львовной отправится во Львов к родственникам, но это ненадолго, дней на десять. После этого он еще собирается с двумя товарищами в турпоход на Кавказ, но это пока неточно, все зависит от того, смогут ли эти его товарищи получить на работе отпуск. Марик — учитель, у него отпуск всегда летом, когда в школе каникулы, а его друзья работают в проектно-институте, где все зависит от начальников и от плана.

Наташа с облегчением вздохнула: ее семья поедет в Сочи тоже в августе, так что весь июнь и даже часть июля Марик будет принадлежать ей. Если согласится, конечно.

— Как вы думаете, Бэлла Львовна, Марик сможет со мной позаниматься? — спросила она.

— Думаю, что сможет, — улыбнулась соседка.

Все так удачно складывается, и год закончен успешно, и поездка на море с родителями предстоит, и время для занятий нашлось. Вот только один вопрос

мучает Наташу, и никак она не наберется храбрости его задать, но ведь сегодня все так хорошо, просто здорово, может быть, спросить наконец? Она набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Бэлла Львовна, у Марика есть невеста?

Соседка, казалось, ничуть не удивилась такому вопросу.

— Насколько я знаю, ничего серьезного у него нет, — спокойно ответила она. — Девушки им, конечно, интересуются, он с ними в кино ходит, в театр, но о женитьбе речь пока не идет. А почему ты спросила?

— Так просто, интересно, — смутилась Наташа.

— Не ври, золотая моя. Ты боишься, что, если Марик женится, он перестанет с тобой заниматься?

«Нет, я вообще боюсь, что он женится, не дождав-шись меня!» — хотелось крикнуть Наташе, но она только проямлила:

— Ну да... И вообще, а вдруг он женится и переедет жить в другое место? Я буду скучать по нему, он мне как брат.

— Не беспокойся, — Бэлла Львовна почему-то усмехнулась, — в ближайшее время этого не случится.

Она помолчала и, глядя куда-то в сторону, вдруг добавила:

— Марик у нас однолюб. К сожалению.

Сердце у Наташи упало. Однолюб... Значит, он кого-то любит и на всех остальных внимания не обращает. Но если любит, то почему не женится на ней? Может быть, она его не замечает? Или вообще она замужем. К своим четырнадцати годам Наташа уже прочла достаточно книг и посмотрела достаточно фильмов, чтобы примерно представлять себе, какие драмы разыгрываются из-за неразделенной любви или из-за невозможности по каким-то причинам быть вместе. Ведь и она сама страдает от этой неразделенной любви. Вот уже сколько лет для нее существует только Марик, а он этого даже не замечает.

— Кстати о женитьбах, — добавила Бэлла Львов-

на, — ты знаешь, что у нас осенью, вероятно, появится новый сосед? Ниночка выходит замуж.

— Правда? — обрадовалась Наташа. — А за кого?

— Знаю только, что его зовут Николай и что он работает на заводе.

— Ой, Бэлла Львовна, и откуда вы все самая первая узнаете?

— Да как же первая, золотая моя, вся квартира знает, что Нина выходит замуж. Целую неделю только об этом и разговоры.

— Да? — совершенно искренне удивилась Наташа. — Я ничего не слышала.

— Ну когда же тебе слышать, ты у нас вся в учебе и в общественной работе. Просто ради интереса попробуй вспомнить, когда ты Нину в последний раз видела?

— Нину?

Наташа задумалась. А в самом деле, когда? Она очень хорошо помнит, что видела Нину в потрясающем брючном костюме из темно-синего с красными полосками кримплена и в голубой блузке. На ногах — синие лаковые туфельки с тупым носом и на широком каблучке. Не девушка — картинка из модного журнала! Но когда же это было-то? Дней пять назад? Или четыре?

— Я видела ее на днях, она еще в брючном костюме была, — неуверенно ответила Наташа.

— В синем с красными полосками? — уточнила Бэлла Львовна. — Так это, золотая моя, было на Девятое мая, Нина в гости ходила. С тех пор она этот костюм не надевала.

— Да не может быть!

— Я тебе точно говорю. Вот полюбуйся, — Бэлла Львовна распахнула створки тяжелого дубового шкафа, — костюм с тех пор здесь так и висит, Нина его ни разу не брала.

— А почему он у вас? — не поняла Наташа.

— Из соображений безопасности. Полина Михайловна грозит его ножницами разрезать и на помойку выкинуть. Дескать, где это видано, чтобы женщины в штанах ходили, как мужики. Она считает, что это не-

прилично. Так что Ниночку нашу ты не видела по меньшей мере три недели, а ты говоришь — «на днях»! И еще удивляешься, что все новости мимо тебя проходят.

Ну надо же! Три недели пролетели так незаметно! Конечно, перед концом учебного года у Наташи было много хлопот, она же председатель совета отряда и обязана позаботиться о том, чтобы в ее отряде было как можно меньше отстающих, стало быть, надо было уговаривать и убеждать троечников усиленно заниматься и исправлять плохие оценки, надо было искать среди отличников тех, кто возьмется подтянуть их в максимально короткие сроки. Сама Наташа добровольно взялась помочь двум девочкам по русскому языку и одному отпетому двоечнику по химии, сидела с ними после уроков, вдалбливала правила, писала на доске формулы. Ну и результат, как говорится, налицо: девочки исправили тройки на четверки, а двоечник с грехом пополам справился с лабораторной работой по химии и один раз вполне прилично ответил у доски, за что был отмечен учительницей, поставившей ему за год тройку вместо давно запланированной пары. Таким образом, в пионерском отряде, которым командовала Наташа Казанцева, не оказалось за год ни одной двойки ни по одному предмету, а по количеству пятерок и четверок они заняли первое место в пионерской дружине школы имени Поленова, чего, собственно, Наташа и добивалась.

То, что Ниночка выходит замуж за какого-то Колю, это хорошо. Наташе станет спокойнее, ей почему-то становилось не по себе, когда Марик оказывался рядом с Ниночкой, будто искры какие-то между ними пробежали. А вот то, что Марик — однолюб, это плохо. Кого же он любит? Уж не Нину ли? Да нет, оборвала Наташа сама себя, не может быть. Если бы он любил Нину, он бы на ней женился. А может быть, она его совсем не любит? Нет, непонятно. Как можно не любить Марика, такого чудесного, такого умного и красивого, такого доброго и веселого? Он лучше всех на свете. Наверное, он любит какую-то женщину, которая понимает, что

Марик — самый лучший, но не может выйти за него, потому что у нее уже есть муж.

С этого дня Наташа стала внимательно присматриваться к Марику, пытаясь уловить какие-нибудь приметы того, что он страдает от безответной любви. Вот он задумался, остановился на середине фразы, объясняя ей очередной раздел по физике, и смотрит куда-то в сторону, наверное, вспоминает о Ней...

— О чем ты думаешь? — тут же спрашивает Наташа.

— О том, как лучше объяснить тебе эту формулу. Я, кажется, не с того начал. Давай попробуем еще раз.

Вот он во время занятий беспокойно поглядывает на часы.

— Ты торопишься? — спрашивает она.

— Не совсем... Но хотелось бы сегодня пораньше закончить.

— Почему? У тебя свидание с девушкой?

— Да нет, не в этом дело.

— А в чем? — допытывается Наташа.

— Мне дали один журнал, я должен его прочесть и завтра утром вернуть.

— А что в журнале? Что-то интересное?

— Роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Мне так повезло, что я его достал! Правда, всего на одну ночь.

Журнал и в самом деле лежит на столе, сквозь мутную кальку, в которую он обернут, голубеет обложка. Наташа недоверчиво открывает его — «Москва», 1967 год, номер 1.

— Так он же старый! — возмущается она. — Позапрошлогодний. Я думала, это что-то новенькое, а это старье какое-то.

— Старье! Что ты понимаешь? Я за ним больше года гонялся, в четыре очереди записывался, чтобы прочитать, вот наконец повезло. Это такой роман, такой... ты не представляешь!

— Какой — такой? — не отставала Наташа. — Интересный?

— Туся, книга совсем не обязательно должна быть интересной, чтобы люди стремились ее прочитать. То

есть нет, я не так объясняю... Вот ерунда какая, совсем запутался. Ты «Трех мушкетеров» читала?

— Конечно, ты же мне сам давал эту книгу.

— Тебе интересно было читать?

— Ну... — Наташа поколебалась, обдумывая ответ, потому что «Три мушкетера» ей совсем не понравились: сплошные политические интриги и война, плакать не над чем. — В общем да, интересно.

— И тебе хотелось бы перечитать роман еще раз?

— А зачем? — удивилась Наташа. — Я же знаю, чем там все кончится.

— Вот видишь, книга, казалось бы, интересная, а перечитывать ее не хочется, потому что сюжет тебе известен. А кроме сюжета, там ничего и нет.

— А что должно быть еще, кроме сюжета?

— Бывает еще кое-что. Не во всех книгах, конечно, но в некоторых бывает. Что-то такое помимо сюжета, и, сколько бы раз ты ее ни перечитывал, каждый раз открываешь что-то новое, то, что раньше пропустил, или не заметил, или не понял. Второй пласт, третий, десятый... Вот «Мастер и Маргарита» как раз такая книга и есть. Я уже один раз ее читал, теперь хочу перечитать.

— Я тоже хочу прочесть, — решительно заявила Наташа.

— Не получится. Я должен завтра утром журнал вернуть, на него большая очередь, и завтра его уже другой человек возьмет. И потом, тебе еще рано читать такие романы, ты ничего не поймешь.

— Что же я, тупая, по-твоему? — с обидой произнесла Наташа.

— Тусенька, ты не тупая, ты очень умная и развитая девочка, просто ты еще маленькая.

— Я не маленькая, мне уже четырнадцать лет! Меня на следующий год в комсомол примут. Джульетте вообще тринадцать было, когда она с Ромео обвенчалась.

— Ну, для комсомола ты уже достаточно большая, а для Булгакова еще маленькая. А что касается Джульетты, то для Ромео она, конечно, была уже взрослой, ему самому-то всего лет пятнадцать было. А вот если бы

ему было двадцать пять, она казалась бы ему совсем ребенком. Все, Туся, давай не будем отвлекаться, у нас по плану на сегодня задачи по оптике. Сейчас их порешаем и на этом закончим.

Дома Наташа спряталась в своем закутке, который стал куда более просторным с тех пор, как из него убрали Люсин диван, и принялась разглядывать себя в висящем на стене зеркале. Волосы в последние годы стали заметно темнеть, раньше они были совсем светлые, а теперь наливаются медно-рыжим оттенком, как у мамы и Люси. Но это — единственное, что у нее от мамы, во всем остальном Наташа — настоящая папина дочка, и нос такой же, прямой и широкий, и губы, и лоб. Почему Люсе так повезло? У нее все от мамы — и тонкие черты лица, и тонкая фигурка, и большие глаза. И даже волосы выются так же красиво, как у мамы на фотографиях двадцатилетней давности. У Наташи же волосы прямые, жесткие и фигура крепкая, с широкими плечами. Правда, учитель физкультуры говорит, что у нее сложение идеальное для занятий спортом, но ей-то что с этого, не собирается же она становиться олимпийской чемпионкой, она физкультуру терпеть не может, а на тренировки и на соревнования ходит только потому, что у нее результаты хорошие, а результат — это победа, а победа — это грамота. И для авторитета полезно. Наташа уже знает, куда будет поступать — во ВГИК, а туда конкурс безумный, талантливых много, а мест мало, поэтому важно, с чем ты придешь в приемную комиссию, только с одним желанием учиться или с рекомендацией горкома комсомола. А чтобы такую рекомендацию получить, надо стараться, стараться и стараться, это ей еще Бэлла Львовна много лет назад объяснила.

Да, для спорта фигура, может, и подходящая, а вот для модных вещей, которые покупают родители ее подружке Инне Левиной, Наташино сложение не очень-то годится. Инка и ее сестра Мила обожают переодевания, и, когда Наташа приходит к подруге, ей всегда дают примерить новые тряпочки. Сестры Левины в них вы-

глядят как кинозвезды, а на себя Наташа наденет — ну урод уродом. Даже жалко! Поэтому она не очень и страдает оттого, что ее собственные родители не покупают ей таких вещей, все равно она в них «не выглядит». А не покупают они модную одежду Наташе не потому, что денег нет, а потому, что достать ее негде. Ведь в магазине тот же брючный костюм, или белую шубку из искусственного меха, или кримпленовое платье, или хорошие туфельки просто так не купишь, надо знать, где и когда их выбросят, или иметь блат, чтобы из-под прилавка продали. У мамы с папой такого блата нет, вот и ходит Наташа одетая кое-как, то есть добротно, но немодно. Разве может она понравиться Марику в таком виде? Он ведь сам сказал: если бы Ромео было двадцать пять лет, он бы тринадцатилетнюю Джульетту даже не заметил бы. Надо хотя бы прическу сделать более взрослою, а то косы эти...

Решено, завтра же она позвонит тете Рите Брагиной и сходит к ней в парикмахерскую. Ниночка регулярно бегает к ней стричься, тетя Рита, как и обещала, пропускает бывшую соседку без очереди. Пусть и Наташу подстрижет.

* * *

Двадцать четыре дня, проведенные в Сочи с родителями, стали для нее настоящим праздником. Им несказанно повезло, комнату удалось снять в первый же день, хотя Казанцевы готовы были к длительным поискам, зная и по собственному опыту, и по опыту знакомых, что порой приходится две-три ночи провести на вокзале или на пляже, прежде чем найдешь постоянное место для ночлега. Справедливости ради стоит сказать, конечно, что нашли они не отдельную комнату, а всего лишь две койки в комнате, где, кроме Галины Васильевны и Наташи, жила еще приехавшая откуда-то с Урала женщина с маленьким сыном. Но и это было чудесно! Ведь комната же, настоящая комната, а не сарай, где ютилась целая семья из пяти человек, и не раскладушка

в саду под грушевыми и яблоневыми деревьями. На этих раскладушках спят какие-то молодые мужчины, Наташа видит их каждое утро и с сочувствием думает о том, где же они, бедненькие, переодеваются и хранят свои вещи.

Наташа вскакивала ни свет ни заря, умывалась из приколоченного к дереву рукомыльника и мчалась на пляж занимать место при помощи двух старых истончившихся от долгой жизни одеял. В первый день они с мамой и отцом долго спорили, где лучше: поближе к морю или, наоборот, поближе к высокому каменному парапету. Родители считали, что лучше находиться рядом с парапетом, по крайней мере, мимо них не будут без конца ходить люди, наступая не только на одеяла, но и на ноги, а то и на голову. Наташа же хотела быть поближе к воде, чтобы, даже загорая, слышать шум моря и вдыхать его особый, чуть горьковатый запах. Родители победили в этом споре, сказав дочери, что если ей так хочется моря, то пусть побольше плавает или сидит у кромки воды.

Дорога до пляжа неблизкая, занимает почти полчаса, но утром она девочке в радость, потому что идти приходится вниз, да и нежарко еще, солнце только-только встало. Зато уход с моря превращался в каторгу: вверх по раскаленному жарой асфальту, все мышцы гудят от непривычно долгого плавания. Отец к обеду уходил в свой санаторий и оставался там до четырех часов, это называлось «тихий час», а Наташа с мамой шли в столовую обедать. Бесконечно длинная очередь, терпеливо дожидавшаяся на солнцепеке возможности войти в душное, тесное, пропахшее комбизиром помещение, потом грязные мокрые подносы, липкие тарелки и приборы, отчаянные попытки найти два свободных места за одним столом, невкусная еда и почти совсем несладкий компот на десерт — все это не вызывало у Наташи ни ужаса, ни отвращения, более того, ей ужасно нравилось. Нравилось, что можно стоять в очереди в одном купальнике, только уже на самом пороге столовой накидывая легкий халатик, нравилось, что

можно выбирать еду, а не есть то, что дают, пусть даже выбирать всего из трех супов на первое и четырех блюд на второе, но все-таки выбирать, потому что дома ведь не выберешь, что мама приготовит, то и съешь. Нравилось, что можно не мыть за собой посуду. И вообще, каждый день ходить в настоящую столовую — это ведь почти то же самое, что каждый день обедать в ресторане. Прямо как в кино про взрослую жизнь!

Ужинали они дома, покупали на рынке картошку, помидоры, огурцы и зелень, хозяйка им попалась добрая и разрешала пользоваться керосинкой на кухне и кастрюлькой. А две алюминиевые мисочки, вилки, ложки и нож они привезли из Москвы, мама и раньше ездила отдыхать «дикарем» и знала, что нужно брать с собой.

Но самым сладостным становился для Наташи вечер, когда многочисленные приезжие, снимавшие койки у их хозяйки, собирались в саду за длинным деревянным столом, пили чай и вино, ели арбуз и вели всякие разговоры. Напитки и арбуз ее мало привлекали, гораздо интереснее было послушать разговоры, всякие жизненные истории, анекдоты. И кроме того, там был Вадик, высокий, черноволосый, темноглазый, до того похожий на Марика, что Наташа глаз с него не сводила. Вадик приехал с родителями из Мурманска, он впервые в жизни оказался под южным солнцем, непривычная к загару кожа его сразу же обгорела, и ему приходилось сидеть на пляже в рубашке с длинными рукавами. Наташа его от души жалела, он казался ей таким несчастным! Возможно, днем так и было, но вечером Вадик оживал, распрямлялся и уже ничем не напоминал того юношу, который тоскливо сидел на пляже в тени, закутавшись в рубашку и прикрыв ноги полотенцем (обожженная кожа чутко реагировала даже на те жалкие остатки солнечных лучей, которые просачивались сквозь тонкие реечки длинного навеса). Его родители шутили, что их сын — истинное дитя полярной ночи и хорошо чувствует себя только в темноте, ведь поженились они в начале марта, когда полярная ночь еще не

кончилась, а родился Вадик в декабре, когда ночь уже наступила.

Однажды, примерно через неделю после Наташиного приезда, Вадик встал из-за стола, где проходили вечерние посиделки, обогнул его и подошел к Наташе.

— Пойдем погуляем, — предложил он так легко и свободно, словно был знаком с ней всю жизнь, — чего с ними сидеть.

— Мне надо у мамы отпроситься.

Наташа с готовностью встала, собираясь подойти к матери. Она была совсем не против погулять с этим мальчиком, так похожим на Марика, только гораздо моложе.

— Не надо, я сам, — остановил ее Вадик.

— Что — сам? — не поняла Наташа.

— Я сам попрошу разрешения у твоей мамы погулять с тобой.

Наташа рот раскрыла от изумления, а когда закрыла — Вадик уже стоял возле Галины Васильевны и что-то тихо говорил ей. Мама улыбалась и кивала, потом повернулась, поискала глазами дочь, снова улыбнулась ей и кивнула. Разрешение получено.

— Слушай, а почему ты это сделал? — спросила Наташа, едва они закрыли за собой калитку и ступили на дорогу, ведущую к центру города.

— Что я сделал?

— Пошел к моей маме меня отпрашивать. Думаешь, если бы я сама попросила, она бы меня не отпустила с тобой гулять? Думаешь, я еще маленькая?

— Я не знаю, маленькая ты или большая, а я уже взрослый и должен сам отвечать за свои поступки. Раз я тебя пригласил, я должен нести за это всю ответственность. Меня так отец учил, — ответил Вадик совершенно серьезно.

— А сколько тебе лет?

— Мне? Пятнадцать.

С ума сойти! Да он всего на год старше ее, а уже чувствует себя совсем взрослым, и разговаривает, как взрослый, и ведет себя соответственно.

— А твой папа — он кто? — поинтересовалась Наташа.

— Он морской офицер.

В его голосе звучала такая гордость, что Наташа не решилась больше задавать вопросы, хотя ей очень хотелось выяснить, чем отцы — морские офицеры отличаются от всех остальных отцов и почему воспитывают своих сыновей не так, как те отцы, которых Наташа знала.

Они долго шли по неосвещенной дороге, о чем-то болтали, рассказывали о своих школьных друзьях, обменивались впечатлениями о виденных кинофильмах и о прочитанных книгах. Про кино Наташа знала куда больше, ведь она не только фильмы смотрела, но и журнал «Советский экран» чуть не до дыр зачитывала и могла со знанием дела рассказывать про Василия Ланового и Татьяну Самойлову, Алексея Баталова и Наталью Варлей, и не только про них, но и про Жана Маре и Милен Демонжо, которых все знали после «Трех мушкетеров» и «Фантомаса». А вот по части книг Вадик явно превосходил ее, и Наташа во время этих ставших ежедневными вечерних прогулок не раз вспоминала Бэлли Львовну. Ну и Марика, разумеется! О нем она никогда не забывала.

Самое большое потрясение Наташа испытала, когда Вадик на лестнице подал ей руку.

— Ты что? — испуганно спросила она. — Зачем это?

— На лестнице мужчина должен подать даме руку в любом случае, а уж на темной лестнице — тем более.

— Выходит, ты — мужчина?

— А кто же я, женщина, что ли? — засмеялся Вадик.

— А я — дама, так, по-твоему?

— Ну не кавалер же! Слушай, у вас в Москве все такие темные?

— Почему темные? — обиделась Наташа. — Просто у нас в Москве эти нежности не в моде. Это у вас в Мурманске женщины — неженки, которых надо за ручку водить, а у нас в Москве женщины сильные и самостоятельные. Понял?

— Ну как не понять! У вас в Москве женщины сильные, зато мужчины слабые, никогда даме не помогут, им это просто в голову не приходит. Давай руку, и пошли вниз, и под ноги смотри, а то споткнешься.

Лестница была длинной, и к последней ступеньке Наташа подумала, что идти, держась за сильную руку, вовсе не противно, даже приятно. А ведь до центра города таких лестниц еще пять. И все длинные. И по всем шести придется еще подниматься на обратном пути.

Через две недели Вадик с родителями уехал, у его отца закончился отпуск, и оставшиеся до отъезда несколько дней Наташа отчаянно скучала по нему, одновременно радуясь тому, что скоро, вот уже совсем скоро увидит Марика. Она сама чувствовала, что сильно изменилась за эти две недели, Вадик сумел-таки каким-то образом внушить ей ощущение собственной женственности и прочно внедрил в ее сознание мысль о том, что быть слабой и нежной и принимать помощь мужчины не только не стыдно, но и во всех смыслах правильно. И не только правильно, но и приятно.

Утром в день отъезда, собирая вещи и надевая вместо купальника и халатика юбку и кофточку, Наташа посмотрела на себя в зеркало и осталась более чем довольна. Рита Брагина сделала ей хорошую стрижку, правда, не тогда, в июне, а перед самым отъездом на юг, когда удалось наконец уломать маму с папой и с кровью вырвать у них разрешение на то, чтобы расстаться с косами. Марик уже уехал с Бэллой Львовной во Львов и новой прически Наташиной не видел. За двадцать четыре дня, проведенных у моря, Наташа не только обрела шоколадный загар, но и похудела, теперь она сама себе казалась тоньше и изящнее. И появилось еще что-то неуловимое, мягкость какая-то, которой раньше не было.

Она уже не хотела ни моря, ни солнца, ни вечерних разговоров в саду, ни прогулок с сыном морского офицера из Мурманска. Она хотела скорей попасть в Москву, в свою квартиру. Она хотела увидеть Марика. Если он отправился в поход, как планировал, то должен был к этому времени вернуться.